

В.А. БУТЕНКО

**Очерки по истории франко-русских отношений
во второй половине XIX века**

Россия и Франция в 1856 году

Издательство «Перо»

Москва 2015

В.А. БУТЕНКО

**Очерки
по истории франко-русских отношений
во второй половине XIX века**

Россия и Франция в 1856 году

Москва

Издательство «Перо», 2015

УДК 93/94
ББК 63.3(2)47-6
Б 93

Бутенко В.А.
Б 93 Очерки по истории франко-русских отношений во вторую половину XIX века. Часть 1. Россия и Франция в 1856 г. / Подготовка текста, авт. вступ. ст. и коммент. С.Л.Егорова. – М.: Издательство «Перо», 2015. – 89 с.

ISBN 978-5-00086-810-2 (Общ.)
ISBN 978-5-00086-811-9 (Ч. 1)

Предлагаемая вниманию читателей работа русского историка Вадима Аполлоновича Бутенко (1877 – 1931 гг.) «Россия и Франция в 1856 году» впервые публикуется на русском языке в полном объеме. В.А.Бутенко, известный как исследователь истории французского либерализма первой трети XIX в., в годы Первой мировой войны прикоснулся к «внешней истории», а в 1920-е гг. создал «Очерки по истории франко-русских отношений во вторую половину XIX века» (в 3-х частях). В настоящем издании читатель найдет лишь первую часть «Очерков», рукописи двух оставшихся частей были утрачены после ареста историка в 1930 г. и их еще предстоит найти.

Издание предназначено как для специалистов-историков, так и для всех, интересующихся дипломатической историей, подробностями становления франко-русского союза в XIX в.

ISBN 978-5-00086-810-2 (Общ.)
ISBN 978-5-00086-811-9 (Ч. 1)

© В.А.Бутенко, 2015

© С.Л.Егорова, подготовка текста,
авт. вступ. ст. и комментариев, 2015

ИСТОРИК В.А.БУТЕНКО И ЕГО НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ

История франко-русского сближения в XIX в. издавна привлекала зарубежных и российских исследователей. В конце XIX – начале XX в. вышла серия работ по этой теме.¹ Причина тому – особенность внешнеполитических контактов России и Франции, которые выходили далеко за пределы отношений царского Двора и наполеоновского правительства, оказывая воздействие на решение общеевропейских проблем. Ученых интересовали как сам исторический период, так и яркие участники большой дипломатической игры.

Еще одно крупное монографическое исследование профессора Саратовского университета В.А. Бутенко по истории отношений России и Франции во второй половине XIX в. могло пополнить названную серию в 1920-е гг. Полный текст работы, озаглавленной автором «Очерки по истории франко-русских отношений во вторую половину XIX века», считается утраченным. Известна лишь его первая часть (на русском и французском языках), где представлена широкая панорама международных отношений после Крымской войны. Долгое время уцелевший фрагмент рассматривался как законченное произведение; оставались неизвестными первоначальный замысел автора и история создания этой оригинальной работы.

Ее автор Вадим Аполлонович Бутенко (1877–1931 гг.), уроженец г. Гори Тифлисской губернии, начал научные занятия под руководством известного ученого, профессора Н.И.Кареева на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета (1895–1900 гг.).² В годы учебы

¹ *Петров А.Н.* Русские дипломаты на Парижском конгрессе 1856 г. // Исторический вестник. 1891. № 1–3; Восточный вопрос 1856–1859 гг. // Русская старина. 1904. Т. 117; *Gorainow S.* Les etapes de l'alliance franco-russe // Revue de Paris. 1912. № 1–4; *Rain P.* Les relations franco-russe sous le second empire // Revue des etudes historiques 1913. nov. – dec.; *Roux Ch.* Alexandre II, Gortchakoff et Napoleon III. Paris, 1913.

² Подробную биографию историка, характеристику его научного наследия, а также список трудов ученого см.: *Егорова С.Л.* Историк В.А.Бутенко. Портрет на фоне эпох. Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 2013. 140 с.

принял активное участие в известных студенческих волнениях февраля – марта 1899 г., отстаивая автономию университета, гарантии неприкосновенности личности, за что и был исключен из числа студентов. Восстановление в университет состоялось в 1900 г.: в сентябре В.А.Бутенко получил выпускной диплом первой степени. Это открывало ему путь к степени магистра. Но, несмотря на ходатайство университетской профессуры, попечитель учебного округа Н.Я.Сонин был решительно против оставления «обструкциониста» В.А.Бутенко при университете. Опытный Н.И.Кареев дал совет начать преподавать в учебных заведениях столицы, переждав неудобный момент, однако не прерывать и научные занятия. Работая в Павловском институте, Александровском лицее, училище Святой Елены, Петровском училище, В.А.Бутенко не переставал думать о теме своего будущего исследования. А в 1901 г. состоялся его научный дебют. Н.И.Кареев, занимаясь подготовкой издания Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, где он вел исторический отдел, привлек к сотрудничеству и своего ученика. Укрепив В.А.Бутенко в решении заняться изучением французского либерализма, Н.И.Кареев намеренно именно ему поручил подготовить статью об Алексисе де Токвиле.

В 1905–1907 гг. чуть ли не вся Россия переживала период острого политического возбуждения. На страницах печати публиковались заметки о всеобщем избирательном праве, проблемах социального переустройства, вспоминали и волнения 1899 г. Все слои русского общества, так или иначе, оказались втянутыми в водоворот революционных событий. С острым интересом следил за происходящим В.А.Бутенко. В октябре 1905 г. оформилась конституционно-демократическая партия, в ряды которой вскоре вошел Н.И.Кареев. Ученик не последовал примеру учителя, но глубокие симпатии к общественно-политическим идеям кадетов охватили и его. Идеи либерализма, ставшие знаменем этой партии, были близки и понятны историку. Как и кадеты, он мечтал о конституции, видел острую необходимость в разрешении социальных проблем.

1908 г. был годом всеобщего напряжения. «Везде в ожесточенной борьбе, – свидетельствовал современник, – намечались перспективы будущего. Отсталые народы пробивались к политической свободе и народному правлению. Народы передовые, уже прочно обладающие этими основными условиями не стыдного существования, вели битву за социальные реформы».³ Неслучайно в юбилейный год Французской революции 1848 г. вышла первая крупная работа В.А.Бутенко по истории выработки проекта

³ Южаков С. Политика (Краткая характеристика 1908 г. и его исторического смысла и значения) // Русское богатство. 1908. №12. С.160.

социальных реформ Люксембургской комиссией – «Парижский рабочий парламент 1848 года и его деятельность» (1908 г.). В XX в., веке социальном, ни одна политическая партия не могла более обойтись без программы социальных реформ, все чаще стали говорить о вступлении либерализма в новую фазу, о синтезе индивидуализма с элементами социализма. Эти мотивы звучали и в работе В.А.Бутенко «Политическое учение Токвиля» (1910 г.), изданной в момент оживления рабочего движения в России.

Все эти годы историк не переставал думать о диссертации, тем более что тема уже давно была согласована с Н.И.Кареевым. В 1905–1909 гг. все вакационное время В.А.Бутенко проводил за границей: прежде чем вплотную приступить к диссертации, следовало убедиться в состоятельности источниковой базы. Богатые фонды Национального архива Франции и библиотек не разочаровали нашего историка. Наведя справки, он решил по возвращению в Россию просить университет о годичной командировке (с 1907 г. после успешной сдачи магистерского экзамена В.А.Бутенко состоял приват-доцентом университета). Однако источников оказалось столь много, что одного года в Париже было недостаточно. В течение двух лет (1910 – 1912 гг.) молодой ученый трудился над источниками, днями просиживал в архиве и библиотеке, исправно отсылая в Петербург отчеты о проделанной работе. Находясь во Франции, В.А.Бутенко использовал возможность и для встреч с учеными: обращался за советом к профессорам Парижского университета А.Олару, Ш.Сеньобосу, побывал в университете Нанси, а, вернувшись в Россию, приступил к оформлению диссертации.

Одновременно с заботами по подготовке защиты магистерского исследования В.А.Бутенко много публиковался. В «Вестнике Европы», «Историческом обозрении», в «Журнале министерства народного просвещения» были изданы отдельные части диссертации. В Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона вышла серия его статей. К 100-летию Отечественной войны 1812 г. В.А.Бутенко в ряду других ученых (И.В.Луцицкий, Ю.В.Готье, М.И.Туган-Барановский, Н.И.Кареев, Е.В.Тарле и др.) участвовал в выпуске семитомного юбилейного издания «Отечественная война и русское общество» (1911–1912 гг.).

К 1913 г. магистерская диссертация была завершена и исследование напечатано. Труд получился объемным – 629 страниц. В публикации его помог университет. Историко-филологический факультет издавал свои «Записки», каждый том которых представлял собой отдельное сочинение. В них печатались магистерские и докторские диссертации. В одном из томов «Записок» вышла монография В.А.Бутенко «Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации» (Т.1. 1814 – 1820. СПб., 1913).

Едва утвердившись в степени магистра, В.А.Бутенко был включен в коллективную работу по подготовке международного исторического кон-

гресса, намеченного на 1918 г. в Петербурге. Имя ученого все чаще появлялось на страницах энциклопедических изданий, исторических журналов. В 1913 г. Н.И.Карееву, давно хлопотавшему об издании «Научного исторического журнала», рассчитанного на «публику, состоящую из лиц, занимающихся историей», удалось, наконец, наладить издание в фирме «Брокгауз – Ефрон». К участию в нем профессор привлек В.А.Бутенко. Начавшееся сотрудничество продлилось недолго. Издание журнала, несмотря на продуманную программу, вскоре прекратилось. Помешала мировая война.

Отдавая большую часть времени научно-преподавательской работе, В.А.Бутенко зорко следил за происходящими в России и Европе событиями, откликаясь на них своими заметками в печати. В ответ на захват Бельгии немецкими войсками появилась его статья «Борьба европейских держав за Бельгию» (1915 г.), а следом – «Нейтралитет Бельгии» (1916 г.). Обращение к истории Бельгии было необходимо историку для обоснования одного из главных либеральных доводов: для свободного развития любого государства необходима его самостоятельность, никакие экономические выгоды не могут заглушить национального чувства против иностранного владычества.

В годы войны возникла потребность обсудить на страницах печати и вопросы, определявшие мировое положение России. С этой целью в 1916 г. был создан еженедельный журнал внешней политики и права «Проблемы Великой России». На его страницах В.А.Бутенко выступил с разъяснением позиции германской социал-демократии в отношении войны и причин краха Социалистического Интернационала. В работах военного времени историк разоблачал агрессивные планы Германии, критиковал германских милитаристов, видевших в системе вооруженного мира венец политической мудрости. Историк был возмущен проповедью грубой силы, ставшей в Германии официальным культом.

Серия крупных поражений русской армии на фронте вызвала недовольство Временным правительством. Отсталость России стала всеочевидной. В этой ситуации возник небывалый интерес общества к проблемам народного образования. Реформа средней школы, задуманная Министерством народного просвещения при графе П.Н.Игнатъеве, начала приносить первые плоды. Освобождение школ от старых циркуляров, выработка новых учебных программ, появление родительских комитетов способствовало оздоровлению атмосферы российской школы, а уравнивание в правах частных учебных заведений с государственными привело к заметному развитию высших учебных заведений.

В те годы общее признание завоевал Психоневрологический институт, созданный по инициативе В.М.Бехтерева. Общедоступность образовательных курсов для лиц разного пола и вероисповедания, программа, заявлен-

ная В.М.Бехтеревым, сделали Психоневрологический институт популярным учебным и научно-исследовательским учреждением. Здесь же преподавал и В.А.Бутенко, одновременно (1915 – 1917 гг.) исполняя обязанности декана общеобразовательного отделения Психоневрологического института. Успешно шли дела и в университете. Просеминарий по памятникам эпохи реформации в Германии, который вел В.А.Бутенко, пользовался популярностью. Накопленный преподавательский опыт вылился в издание «Курса новой истории» для гимназий и реальных училищ (1915 г.).

В феврале 1917 г. Россия вплотную подошла к революции. Внезапность февральских событий так поразила современников, что русская пресса мигом окрестила их «чудом». В начале марта, когда власть уже перешла к Временному правительству, а император отрекся от престола, газеты обратились к хронике прошедших событий. В Февральской революции угадывалось столько от французского революционного опыта, что об этом тут же заговорили современники. В эти революционные дни в «Биржевке» появилась и статья нашего историка «Две февральские революции».⁴

В межреволюционный период В.А.Бутенко будет занят переездом в Саратов. Этот шаг был связан с долгожданым решением Временного правительства об организации новых факультетов в местном университете. Пройдя отбор среди кандидатов, В.А.Бутенко был принят в Саратовский университет руководителем кафедры всеобщей истории (1917–1928 гг.) и историко-филологического факультета (1918–1919 гг.). Весомую роль в открытии факультетов университета сыграла Саратовская губернская ученая архивная комиссия, из которой в 1920 г. выросло Общество истории, археологии и этнографии. Окунувшись в общественную и научную жизнь города, В.А.Бутенко вступил в Общество, членами которого уже являлись его коллеги – С.Н.Чернов, П.Г.Любомиров, С.В.Юшков. Велики заслуги Общества в краеведении и пополнении фондов местных музеев. Заведование одним из них – Государственным художественным музеем им. А.Н.Радищева – принял В.А.Бутенко в 1923 г. При нем в музей поступили картины из Третьяковской галереи, Русского музея, Ленинградского музейного фонда, усадьбы Отрадино.

В Саратове В.А.Бутенко приступил к концептуальной разработке курса лекций по истории Западной Европы. Новые веяния в науке, связанные с усилением марксистского направления, не отразились на позиции ученого. Он остался верен «основной добродетели настоящего историка», привитой ему когда-то Н.И.Кареевым, – беспристрастие во имя объективной научной истины, в каком бы конфликте с симпатиями и интересами самого исследо-

⁴ Биржевые ведомости. 1917. 11 марта. С.3.

вателя она не оказалась. Здесь В.А.Бутенко завершил и работу над докторской диссертацией. Издать столь объемный труд (около 30 п.л.), к тому же не отвечающий «актуальной» проблематике, было сложно. Но отдельные ее части опубликовать удалось. В 1921 г. в Саратове вышла первая работа из этого цикла – «Из истории революционного движения во Франции в эпоху реставрации». В 1923 г. появилась удобная возможность издать еще одну часть в сборнике, посвященном 50-летию научной деятельности профессора Н.И.Кареева. Среди авторов статей сборника – ученики и друзья маститого ученого. Здесь же был помещен очерк В.А.Бутенко «Социальный состав либеральной оппозиции во Франции в эпоху реставрации».

Центром публикаций работ отечественных историков в 1920-е гг. стали исторические журналы. Известную роль в этом деле играли «Анналы», созданные в 1922 г. по инициативе академика П.И.Успенского и члена-корреспондента Академии Наук СССР Е.В.Тарле. Журнал восполнил отсутствие в России изданий по вопросам всеобщей истории, и предоставил возможность «всеобщникам» публиковать свои работы. В.В.Бирюкович, Н.И.Кареев, Е.Н.Петров часто выступали на страницах журнала со своими статьями и рецензиями. Е.В.Тарле, хорошо знавший автора диссертации «Либеральная партия...», предложил ему свою помощь. Так вышли в «Анналах» «Наука новой истории в России» (1922 г.), «Перелом в истории реставрации Бурбонов» (1923 г.) В.А.Бутенко. Одна за другой следовали статьи историка в Общественно-исторической энциклопедии, Энциклопедическом словаре Гранат, саратовском журнале «Культура».

Работая в Саратове, В.А.Бутенко по достоинству оценил богатство фонда отделения рукописей и старопечатных книг университета, начало которому послужило собрание рукописей профессора И.А.Шляпкина. Некоторое количество старопечатных книг перешло сюда из числа спасенных во время Гражданской войны библиотеки Братства Святого Креста. Здесь, в рукописном отделении, В.А.Бутенко обнаружил интересный документ на французском языке – копию протоколов заседаний французского Государственного совета (июль 1812 г.), оставшуюся в России после отступления армии Наполеона, на основе которого подготовил статью «Страница из истории наполеоновской администрации» (1929 г.).

Занимаясь главным образом изучением судеб французского либерализма, историк успел зарекомендовать себя трудами в области «внешней» истории. В рецензии на труд А.Дебидура «Дипломатическая история Европы от Берлинского конгресса до наших дней» (1917 г.) он обозначил разные условия работы историка-современника событий и исследователя, удаленного по времени от объекта изучения. «...Удовлетворить естественный запрос разума так, как этого требует строгая историческая наука, – отмечал В.А.Бутенко, – историк современности не в состоянии. В его рас-

поряжении нет того подготовленного научного аппарата, которым располагает историк, изучающий более или менее отдаленные эпохи жизни человечества. Ему недоступны государственные и частные архивы, у него под рукой нет той гряды остальных специальных исследований, которые должны быть прочным фундаментом для обобщающей надстройки, у него нет, наконец, возможности правильно оценить весь смысл и значение происходящих событий, пока не выяснились их главные результаты, пока не определилось, что в вихре политического круговорота было главным, и что второстепенным, что имело мировую важность, и что составляло только кричащую злобу дня».⁵ Условия, в которых оказался В.А.Бутенко, приступая к исследованию франко-русских отношений в 1850-е гг., позволили ему избежать пристрастности в оценке событий и построить работу на богатом источниковом материале.

На существование исследования ученого по этой теме впервые указал советский историк В.А.Дунаевский, приведя его французское название «Un projet d'alliance franco-russe en d'après des documents des archives russes», уточнив при этом место хранения русскоязычного варианта «Очерков...».⁶

В ходе работы с подлинником данного неопубликованного труда нам удалось выяснить ранее неизвестные обстоятельства его создания и объем. Это машинописный текст на 84 листах форматом, превышающим современный А 4. Примечания на французском, немецком, английском языках и поправки к тексту вписаны автором черными чернилами. «Очерки...» разбиты на четыре главки, первая из которых, имеет заголовок «Россия и Франция в 1856 г.», а остальные (без названий) не выходят за рамки указанного года. Сравнение подлинника с публикацией на французском языке подтвердило, что речь идет об одном и том же исследовании – «Россия и Франция в 1856 г.». Но откуда тогда взялось другое, включенное автором в список собственных научных трудов?

В архиве Саратовского университета хранится личное дело профессора В.А.Бутенко, где отложился «Список трудов В.А.Бутенко», составленный самим ученым и датированный 10 марта 1928 г. В нем под № 39, 44, 46 значатся «Очерки по истории франко-русских отношений во вторую половину XIX века» в трех частях. Таким образом, стал понятен замысел историка: указанная В.А.Дунаевским и опубликованная во Франции работа В.А.Бутенко, – лишь первая часть большого исследования, которая значится под № 39 – Ч. 1. «Россия и Франция в 1856 г.» (рукопись, около 4 п. л.). Далее названы и другие части: № 44 – Ч. 2. «Сближение между Францией и

⁵ Исторические известия. 1917. № 1. С.136–137.

⁶ Дунаевский В.А. Советская историография новой истории стран Запада. 1917 – 1941. М., 1974. С.246.

Россией и Штутгартское свидание 1857 г.» (рукопись, около 5 п. л.); № 46 – Ч. 3. «Франко-русское сотрудничество на Балканском полуострове в 1857–1858 гг.» (рукопись, около 4 п. л.).⁷

Архивные документы проясняют процесс работы историка над «Очерками...» и позволяют уточнить время завершения их подготовки.

Научный замысел В.А.Бутенко – создание крупного исследования по истории франко-русских отношений после Крымской войны – требовал частых поездок в Москву для работы в архивах. Архивное личное дело В.А.Бутенко пестрит многочисленными заявлениями историка ректору о научных командировках. Первая из них совершена в конце 1923/24 учебного года. Недельный отпуск (31 мая – 7 июня 1924 г.) прошел весьма плодотворно: В.А.Бутенко изучал историографию вопроса в Румянцевском музее и других библиотеках столицы. В мае 1925 г. он вновь обратился к ректору с просьбой об очередной поездке в Москву «ввиду необходимости навести ряд справок». Правление университета помогло организовать проживание историка с супругой в московском Доме ученых. Окунувшись в архивы и убедившись, что тема имеет солидную источниковую базу, В.А.Бутенко лето 1925 г. провел в столице. Все это время он не прерывал связь со своим учителем. Изредка удавалось увидеться. Одна из встреч с Н.И.Кареевым произошла в 1925 г. в среде преподавателей Московского университета.

Предположительно к осени 1925 г. В.А.Бутенко завершил подготовку первой части «Очерков...», продолжив исследование в 1926–1927 гг. На просьбу о новой командировке историк получил ответ декана П.С.Рыкова: «Препятствий со стороны деканата не встречается ввиду краткости срока командировки и непрерывности работ по кафедре в течение учебного года». ⁸ В июне – июле 1926 г. историк с семьей отдыхал на Северном Кавказе, а в августе вновь трудился в архивах Москвы.

Из-за работы над «Очерками...» сорвалась встреча В.А.Бутенко с Н.И.Кареевым летом 1927 г. В своем письме профессору И.М.Гревсу Кареев сожалел, что не может дожидаться обещавшего приехать погостить к нему в Шалово (близ Ленинграда) В.А.Бутенко. Последний в это время был с головой погружен в работу. 26 мая 1927 г. на стол ректора университета легло новое заявление историка: «Ввиду того, что архив Революции и внешней политики, в котором сосредоточена по преимуществу моя научная работа в настоящее время, с 1 июля будет закрыт, прошу предоставить мне научную командировку в Москву и Ленинград для работы в архивах и биб-

⁷ Архив Саратовского госуниверситета (далее – Архив СГУ). Д.69. Л. 37 – 38.

⁸ Архив СГУ. Д. 69. Л. 10–11.

лиотеках с 5 июня по 5 августа 1927 г.». ⁹ Историк завершил исследование, только изучив весь комплекс архивных и опубликованных источников по теме. Среди них – переписка Александра II с Наполеоном III, Фридрихом Вильгельмом IV, депеши Ф.И.Бруннова, К.В.Нессельроде, А.Ф.Орлова, А.М.Горчакова. Архивные материалы помогли историку раскрыть истоки и причины наметившегося сближения России и Франции, обосновать при этом особое мнение по целому ряду вопросов. Среди прочих не менее ценных документов В.А.Бутенко обратил внимание на дипломатическую переписку императоров двух держав как на особый «многоговорящий» источник в выявлении нюансов становления франко-русского союза. Ход Парижских переговоров, политические позиции стран-участниц конгресса, планы русской внешней политики, действительные источники «благоразумия и умеренности» Наполеона III как арбитра Европы – неполный перечень вопросов, затронутых в исследовании.

О быстром его издании в ту пору не могло идти и речи. В.А.Бутенко решил публиковать «Очерки...» частями, но и эта возможность затянулась. В процессе работы над монографией резко ухудшилось здоровье ученого. Тому способствовали неурядицы в университете, стеснения в преподавании старой профессуры. Находим подтверждение в труде по истории Саратовского университета, где упоминается В.А.Бутенко: «Его семинары по темам “Просветительская философия XVIII века” и “Конституция Великой французской революции” были построены живо и интересно, и изучались по произведениям просветителей и текстам Конституции. Это вызывало крайнее недовольство факультетского начальства и постоянные нападки все более набравших силу “правоверных” марксистов от науки, которые стремились к формированию партийных идеологов, а не ученых-историков, а потому отрицавших необходимость работы с источниками». ¹⁰

На организованный натиск представителей ортодоксального марксизма на ученых петербургской исторической школы указывает и профессор С.Н.Чернов, уволенный из Саратовского университета в 1928 г. «О, если бы Вы знали, как безумно тяжело в Университете!» – писал он С.Ф.Платонову 12 декабря 1927 г. – Там с новою силою назревает какой-то огромный катаклизм, и я не знаю, какое и как разрешение приобретет ход наших дел и отношений, но сильно опасаюсь безмерных бед: то есть окончательного изгнания научного духа из Университета. Это совершенно верно, что мы его хранили и до настоящего времени донесли контрабандно. Теперь обо-

⁹ Там же. Л. 17 – 18.

¹⁰ *Андреева Т.В., Соломонов В.А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941 / Отв. ред. А.Н. Цамутали. Саратов: Научная книга, 2006. С. 97.

ротистые руки властно протягиваются к нему. Чтобы его с корнем вырвать... Беда придет не в лайковых, а в железных перчатках».¹¹

В начале февраля 1928 г. В.А.Бутенко еще работал. Правление университета перевело парижскому издательству «Lagousse» деньги за выписанную им литературу. Вскоре историк почувствовал необходимость обратиться за врачебной консультацией. Профессор Ф.Я.Китаев, произведя врачебный осмотр, обнаружил у него неврастению в тяжелой форме. Ученый был вынужден оставить преподавание и переехать в Ленинград.

Обосновавшись в Ленинграде, В.А.Бутенко время от времени публиковался в журнале «Вестник Знания». Редактором здесь был его университетский преподаватель академик С.Ф.Платонов, а в состав редколлегии входил Е.В.Тарле, хорошо знавший В.А.Бутенко по его работам. На страницах этого журнала в 1928–1929 гг. вышли последние статьи историка. Одновременно С.Ф.Платонов привлек В.А.Бутенко к работе в Археографической комиссии Академии Наук СССР. Здесь по заданию Международного Комитета исторических наук составлялся «Список дипломатов всех стран» (участие в работе над списком приняли В.А.Бутенко и С.Н.Чернов).¹²

Трагичные для отечественной науки события 1929–1931 гг. не обошли стороной В.А.Бутенко. В апреле 1930 г. он был арестован в связи с «Академическим делом», осужден Тройкой ПП ОГПУ в Ленинградском военном округе по статье 58–11 УК РСФСР, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в СЛАГ (г. Кемь). В воспоминаниях заключенных, прошедших лагерь, часто мелькает это место: «Зловеще знаменитый Попов остров – “Кемь-Пер-Пункт”, зона на каменистом и болотистом берегу Белого моря, недалеко от захолустного деревянного городка Кемь. Здесь комплектуются партии, направляемые на остров».¹³ Весной 1931 г. «десятилетников» этап за этапом стали вывозить на строительство Беломоро-Балтийского водного пути. Очевидно, тогда попадает на ББК и В.А.Бутенко.

Архивные документы относительно дальнейшей судьбы историка немногословны. В фонде ББК сохранилась его учетная карточка, где значится: «Умер 14 сентября 1931 г.». Причина смерти и место захоронения не указаны.¹⁴ На обстоятельства кончины В.А.Бутенко проливают свет мемуа-

¹¹ *Андреева Т.В.* Сергей Николаевич Чернов – ученый и человек // Сборник избранных статей С.Н.Чернова по истории декабризма и эпистолярия, в которых затрагиваются эти вопросы: Публикация / Сост., вст. статья и комментарии: Т.В.Андреева, В.А.Парсамов. Отв. ред. А.Н.Цамутали. СПб., 2004. С. 53.

¹² *Андреева Т.В., Соломонов В.А.* Указ. соч. С. 252.

¹³ *Волков О.В.* Погружение во тьму: Из пережитого. М., 1992. С.46 – 47.

¹⁴ Архивная справка о смерти В.А.Бутенко от 23 июля 1993 г. // Отдел реабилитации и архивной информации ИЦ МВД Республики Карелия.

ры С.В.Сигриста, также проходившего по «Академическому делу»: «...Он прибыл на Лей-Губу совершенно больным скоротечным легочным туберкулезом. Я навещал его умирающего в лазарете на Май-Губе и предложил, что фельдшер-священник его причастит. Он ответил, что он неверующий. Его похоронили за северным семафором станции Май-Губа на арестантском кладбище, которое потом было затоплено Беломорским каналом».¹⁵ Арест В.А.Бутенко отразился на судьбе его семьи. Летом 1930 г. умерла от тифа приемная дочь историка, а в июне 1931 г. после конфискации имущества, его жена повесилась на гвозде от снятого портрета мужа. Реабилитация ученого состоялась лишь 30 июня 1989 г.

В результате ареста и осуждения историка рукописи его неопубликованных работ, среди которых были вторая и третья части «Очерков...», бесследно исчезли. Возможно, подобная участь постигла бы и первую часть труда ученого, если бы не случай. В.А.Бутенко, надеясь, что работа вскоре будет напечатана, передал машинописный экземпляр известному литературоведу и историку П.Е.Щеголеву для публикации в журнале «Былое». Однако тот в 1926 г. прекратил свое существование. Надежд на публикацию работы в России не оставалось. В.А.Бутенко перевел «Очерки...» на французский язык и отправил в Париж, а русскоязычный вариант в то время так и не увидел свет.¹⁶ После смерти П.Е.Щеголева (1931 г.) он оказался в Центральном государственном историческом архиве СССР (ныне РГИА).¹⁷

Не оставляем надежды, что утраченные труды историка будут обнаружены в фондах российских архивов и найдут своего публикатора и читателя, ибо лучший памятник ученому – возвращение из небытия его научного наследия.

Подстрочные примечания и указатель имен составлены публикатором.

¹⁵ Звенья: Исторический альманах. Вып.1. М., 1991. С. 231.

¹⁶ Публикация «Очерков...» была предпринята журналом «Вестник Сыктывкарского университета», однако она не только растянулась по времени, но и не была доведена до конца. Отдельные части «Очерков...» В.А.Бутенко см.: Вестник Сыктывкарского университета. Серия 8. Вып. 3. 1999. С. 123–131; Серия 5. Вып. 4. 2003. С. 136–146; Серия 5. Вып.5. 2007. С. 98 – 117).

¹⁷ Российский государственный исторический архив. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 417. 82 л.

В.А. БУТЕНКО

РОССИЯ И ФРАНЦИЯ В 1856 ГОДУ

I

Окончание Крымской войны должно было неизбежно привести к сближению между Францией и Россией. Франция вела войну в союзе с Англией, причем крепость и непрерывность этого союза афишировались правительствами и общественным мнением обеих западных держав в течение всего периода военных действий. Но на самом деле этот тесный союз, имевший своей целью под предлогом защиты Турции сокрушить гегемонию России в Европе, прикрывал существование крупных разногласий между интересами обеих союзниц.

Для Франции Наполеона III¹⁸ союз с Англией был в начале 50-х гг. политической необходимостью, так как только посредством него Франция выходила из состояния политической изолированности и делала невозможным возобновление общеевропейской коалиции 1814 г., которая чуть было ни возродилась снова в 1840 г.

Для Англии союз с Францией был средством оказывать сдерживающее влияние на внешнюю политику своей соседки по ту сторону Ламанша, которая всегда была ее экономической соперницей, и небывало быстрый экономический расцвет которой в первые годы Второй империи грозил толкнуть ее на путь широких завоевательных планов, представлявших опасность для торгового и промышленного господства Англии.

Для Франции, в экономической жизни которой промышленный экспорт пока не играл доминирующей роли, вопрос был не в неприкосновенности Турции, а в уничтожении гегемонии России, как естественной главы всякой антифранцузской коалиции, причем успехи французской политики на Востоке обеспечивали, вдобавок, возможность выгодного помещения французских капиталов за границей.

Для Англии, переживавшей в середине XIX в. золотой период свободы торговли, борьба с русской гегемонией совпадала с борьбой за рынки

¹⁸ Шарль Луи Наполеон Бонапарт (Наполеон III) – первый президент Французской республики (1848 – 1852 гг.), император французов (1852 – 1870 гг.).

Ближнего Востока, которые делала попытки завоевать протекционистская политика России при Николае I¹⁹. Неприкосновенность Турции давно сделалась в сознании английских государственных людей своего рода *conditio sine qua non*²⁰ безопасного обладания Индией, а устранение русской конкуренции сулило заманчивые перспективы экспорту английских промышленных изделий, и знаменитый английский дипломат Стратфорд де Редклифф,²¹ бывший душой антирусской политики Турции, отчетливо это выразил в словах: «Дело идет не о независимости, а о самом существовании Турции, а вместе с тем и о будущей судьбе этой великолепной части земного шара, от которой преимущественно зависит наше торговое благополучие, неразрывно связанное с процветанием цивилизации и гуманности вообще» [1].

Война была задумана, прежде всего, как средство сломить морское могущество России, но самоуничтожение русского флота и затянувшаяся осада Севастополя придали военным действиям характер по преимуществу сухопутных операций и тем самым передали преобладающую роль в руки Франции, ослабив соответствующим образом значение Англии. Все одержанные союзниками успехи приходились почти исключительно на долю французских армий, тогда как англичане, наоборот, терпели неудачу за неудачей вплоть до заключительного момента войны - падения Карса,²² когда Пальмерстону²³ пришлось даже для оправдания английской военной администрации пред парламентом искусственно подбирать в Синей Книге²⁴

¹⁹ Николай Павлович Романов (Николай I) – российский император (1825 – 1855 гг.), царь Польский и великий князь Финляндский.

²⁰ *Conditio sine qua non* – необходимое условие.

²¹ Стратфорд де Редклифф, Стратфорд Каннинг (1786 – 1880 гг.) – английский дипломат. В 1841–1858 гг. – посол в Турции. В 1832 г. назначен послом в Россию. В 1853 г. он спровоцировал главу русской миссии в Турции А.С.Меншикова на предъявление Турции ультиматума, повлекшего за собой разрыв русско-турецких отношений. Отличался враждебным отношением к России.

²² Осада турецкого укрепленного города Карса (1855 г.) закончилась взятием крепости русскими. Это последняя значимая операция Крымской войны.

²³ Пальмерстон Генри Джон Темпл (1784 – 1865 гг.) – премьер-министр Великобритании. Во внешней политике – сторонник «равновесия сил». В 1854 г. поддержал участие Великобритании в Крымской войне, а в 1855 г. стал премьер-министром и занимал этот пост до своей смерти, с перерывом в 1858–1859 гг., когда у власти находились тори. Одна из задач Пальмерстона – не допустить Россию к проливам.

²⁴ Синие книги появились в Англии в XVII в. Это были сборники дипломатических документов и иных материалов, издаваемых правительством для представления парламенту и парламентским комиссиям. Название «Синяя книга» не является официальным.

документы, чтобы свалить всю вину в неудаче на турок [2].

Пропорционально военным успехам французов выросло их политическое влияние в Турции. У власти в Константинополе находились лица, известные своими французскими симпатиями (Али паша и Фуад паша)²⁵, французским капиталистам открывались широкие перспективы на всем Ближнем Востоке, ярким примером чего было получение Лессепсом²⁶ от египетского правительства концессии на содержание Суэцкого канала, несмотря на противодействие Англии [3], и Стратфорд, оскорбленный потерей своего прежнего преобладания в турецких правительственных кругах, начал настоящий поход против французского посланника в Константинополе, Тувенеля²⁷ [4]. С другой стороны, уже уступки, сделанные Россией во время Венских конференций 15 марта – 4 июня 1855 г.,²⁸ ярко показывали не только, что ее гегемония в Европе сломлена, но и что вообще Россия находится в положении полной изоляции. При таких условиях падение Севастополя неизбежно должно было дать перевес мирным настроениям во французских правительственных и общественных кругах, тем бо-

²⁵ Али-паша, Мехмед-Эмин (1815–1871 гг.) – турецкий государственный деятель, министр иностранных дел (1846–1852, 1854–1855, 1861–1867 гг.) и великий визирь (1867–1871 гг.), представитель Турции на Парижском конгрессе 1856 г.; Фуад-Паша, Мухаммед (1815–1869 гг.) – турецкий политический деятель, в 1814–1869, 1852–1853, 1855–1857 и 1858–1861 гг. – министр иностранных дел; в 1861 г. стал великим визирем и занимал этот пост в течение следующих пяти лет, за исключением первых пяти месяцев 1863 г.

²⁶ Фердинанд Мари виконт де Лессепс (1805–1894 гг.) – французский дипломат, автор проекта и руководитель строительства (1859–1869 гг.) Суэцкого канала. В 1854 г. получил от правителя Египта Саида-паши концессию на сооружение канала.

²⁷ Тувенель Эдуард-Антуан (1818–1866 гг.) – французский политический деятель, посланник в Афинах (1849–1850 гг.), Мюнхене (1850–1851 гг.). В 1851 г. призван в министерство иностранных дел, где вел по преимуществу дела восточные; покровительствовал соединению дунайских княжеств Молдавии и Валахии. В 1860 г. назначен министром иностранных дел на место Валуевского. Покровительствовал объединению Италии.

²⁸ Венские конференции созывались дважды. 24 июля 1853 г. в Вене собрались уполномоченные Австрии, Франции и Пруссии для обсуждения мер к разрешению Восточного вопроса, но переговоры с Россией ничем не кончились из-за враждебности венского двора и прекратились 16 января 1854 г. Вторично конференция состоялась 15 марта 1855 г. для разрешения четырех вопросов: о дунайских княжествах, о судоходстве по Дунаю, об ограничении русского господства на Черном море и о положении христианских подданных султана. Австрия предлагала ряд проектов к ослаблению России, но ее усилия разбились о стойкость русских уполномоченных, и конференция закрылась без последствий 4 июня 1855 г.

лее что война привела к громадным военным потерям и уже вызвала расходы, доходившие до 1,5 миллиарда франков, а внутри страны неурожай двух последних лет, застой в делах и намечавшийся финансовый кризис грозили серьезными осложнениями в связи с первыми признаками пробуждения республиканской оппозиции [5]. Английское правительство, наоборот, считало достигнутые в Крыму и на Черном море успехи недостаточными и усиленно готовились к новой компании, целью которой должно было служить нанесение решительного удара России и на Балтийском море, что представлялось вполне осуществимым после заключения обеими западными державами союза со Швецией. Но для того, чтобы Наполеон III решился вопреки обнаружившимся стремлениям французского общества к миру принять участие в этой компании, нужно было, чтобы новая компания сулила бы Франции определенные выгоды. Наполеон III ясно отдавал себе отчет в таких реальных выгодах, тесно переплетавшихся в его сознании с его задушевными мечтами о пересмотре военных трактатов 1814 и 1815 гг. и о переделке карты Европы на основании излюбленного им «принципа национальностей»²⁹. Осуществление этого плана, как известно, должно было вернуть Франции ее естественные границы и объединить под ее гегемонией все «латинские» нации, создать в Италии союз итальянских государств под руководством Сардинии, поставить Пруссию во главе союза северогерманских государств, соединить в общий скандинавский союз Швецию, Норвегию и Данию и т.д. Неизменным ингредиентом этого плана преобразования Европы по национальному принципу было восстановление Польши, к чему толкали Наполеона III и традиции Первой империи, и соображения о создании дружественного Франции государства на границах Австрии и Пруссии, как естественного союзника во всех политических осложнениях, и неизменные симпатии всех политических партий и всех общественных кругов во Франции к польскому делу, и, наконец, личные связи с некоторыми представителями польской эмиграции, восходящие к временам польской революции 1830 – 1831 гг., когда он пытался даже принять участие в военных действиях против России.

Своих планов преобразования карты Европы при помощи Конгресса, который должен был заключить Крымскую войну, Наполеон III не скрывал

²⁹ Наполеон III провозгласил принцип национальностей как руководящее правило своей политики («Основать прочную ассоциацию европейских государств, которые бы опирались на систему сложившихся национальностей и удовлетворение общих интересов»). Первым применением этого принципа было образование единой Румынии (1859 г.) из двух дунайских княжеств, Молдавии и Валахии. В 1859 – 1870 гг. произошло объединение Италии в национальное королевство. Исходя из этого принципа, Наполеон III поставил в 1860-е гг. польский вопрос.

с самого начала войны и не раз заговаривал о них то с мужем королевы Виктории принцем Альбертом, то с его братом герцогом Эрнестом Кобургским³⁰ часто бывавшем в Париже, то с австрийским посланником Гюбнером³¹ [6]. В марте 1855 г. французский министр иностранных дел Друэн де Люис³² уже обратился к Англии с формальным предложением поставить одной из целей войны восстановление независимой Польши в пределах «конгрессового» Царства Польского, но английский министр иностранных дел Кларендон³³ отклонил это предложения из опасений, что политика восстановления Польши приведет к расхождению между западными державами и Австрией и оттолкнет Пруссию к союзу с Россией [7]. В силу этих же мотивов, по-видимому, и сам Наполеон отказался от бывшей у него первоначально мысли сформировать для участия в военных действиях отряд из польских эмигрантов [8], хотя это и не мешало ему в апреле того же года снова заговаривать о Польше с принцем Альбертом [9].

Падение Севастополя,³⁴ делавшее продолжение войны просто для дальнейшего ослабления России без каких бы то ни было положительных выгод для Франции бесполезным, побудило Наполеона III снова вернуться к мысли о Польше тем более, что двойственная политика Австрии, упорно не желавшей до конца рвать с Россией и наметившей широкие планы экономической эксплуатации Дунайских хозяйств и Балканского полуострова [10], возбуждала сильное раздражение во французских правительственных

³⁰ Королева Виктория (1819 – 1901 гг.) – королева Соединенного королевства Великобритании и Ирландии (с 1837 г.); благодаря бракам ее детей укрепились междинастические связи в Европе, а Виктория получила прозвище «Бабушка Европы». Альберт, герцог Саксен-Кобург-Готский (1819 – 1861 гг.) – супруг королевы Виктории, британский фельдмаршал.

Эрнест II, герцог Саксен-Кобург-Готский (1818 – 1893 гг.) – второй правящий герцог из династии Саксен-Кобург и Гота. На престол вступил в 1844 г.

³¹ Александр Гюбнер (1811–1892 гг.) – граф, австрийский писатель и политический деятель, в 1849–1859 гг. – посол во Франции, 1865–1867 гг. был посланником в Риме.

³² Друэн де Люис Эдуард (1805 – 1881 гг.) – французский государственный деятель, министр иностранных дел (1848–1849, 1852–1855, 1862–1866 гг.); был одним из французских уполномоченных на Венской конференции 1855 г.

³³ Джордж-Вильям-Фредерик-Виллиерс Кларендон (1800–1870 гг.) – граф, представитель Англии на Парижском конгрессе 1856 г., министр иностранных дел (1853 – 1858, 1865 – 1866, 1868 – 1870 гг.).

³⁴ Героическая оборона Севастополя началась 13 сентября 1854 г. и продолжалась 349 дней по 27 августа 1855 г. Это было тяжелым испытанием для города, получившего после Крымской войны мировую известность. Севастополь стал символом мужества, доблести и отваги.

сферах и заставляла гораздо меньше прежнего считаться с ее интересами [11]. К этому времени Друэна де Люиса на посту министра иностранных дел уже сменил Валуевский,³⁵ незаконный сын Наполеона I и польской графини. Валуевский, само назначение которого рассматривалось, как знак внимания по отношению к Польше, возобновил мартовское предложение своего предшественника вслед за получением известия о падении Севастополя (8 сентября 1855 г.). Пальмерстон и Кларендон вторично ответили вежливым отказом, выражая принципиальное сочувствие идее польской независимости, соглашаясь даже поднять вопрос о положении Польши на будущем мирном конгрессе, но, отнюдь не желая восстановления Польши одним из условий мира. Они умалчивали при этом, конечно, о главном мотиве своего отказа, о страхе пред дальнейшими успехами Франции на суше, которые при благоприятных условиях могли бы привести к воскрешению империи Наполеона [12].

Отказ Англии хотя бы от частичного осуществления планов широкого преобразования Европы и пересмотра трактатов 1814 – 1815 гг. решил судьбу Крымской войны, и Франция решительно пошла по пути скорейшего мира. Но результатом прекращения войны для Франции неизбежно должно было быть не только возобновление с Россией мирных отношений, но и тесное сближение, а, может быть, даже и союз с нею. Ослабленная, но не обессиленная до конца Россия должна была неизбежно пойти по дороге коренных внутренних преобразований и в связи с этим вступить в стадию быстрого экономического подъема, что при некотором искусстве французской дипломатии сулило блестящие перспективы помещения французских капиталов в русские правительственные и частные предприятия и должно было с лихвой удовлетворить интересы французских банковых и финансовых кругов, тесная связь с которыми была характерной чертой всякого правительственного режима второй империи. Переполнение парижского денежного рынка всевозможными ценными бумагами и падение их курса вследствие все затягивавшейся войны побуждала французских капиталистов с особым интересом устремлять свое внимание на русский рынок, обещавший им крупные барыши [13].

Союз с Россией представлялся Наполеону III желательным еще и с другой точки зрения, с точки зрения осуществления его задушевного плана преобразования карты Европы. Союз с Англией и участие в Крымской войне были в его глазах только первым шагом по этому пути, средством

³⁵ Флориан-Александр-Жозеф Колонна, граф Валуевский (1810 – 1868 гг.) – французский государственный деятель, побочный сын Наполеона I и польской графини, в 1855 – 1860 гг. – министр иностранных дел.

вывести Францию из состояния изолированности, разорвать в потенции враждебную ей коалицию, вернуть ей белую военную славу и восстановить ее значение в Европе. Крымская война полностью осуществила эту программу. Но сделать следующий шаг Англия не позволила. Пальмерстон 50-х гг. оставался тем же Пальмерстоном 30-х годов, старавшимся использовать потребность Франции в английском союзе для осуществления задач английской политики, но никогда не забывавшим того, что Франция является не только политической союзницей, но и экономической соперницей Англии. Людовик Филипп,³⁶ Тьер³⁷ и Гизо³⁸ в свое время пытались освободиться от английской опеки путем сближения с «северными» державами, как называли на дипломатическом языке Австрию, Пруссию и Россию, но все их старания оказывались тщетными. Положение Наполеона III было гораздо выгоднее. Правда, попытка его сблизиться с Австрией была также неудачна, так как австрийские государственные деятели, для которых осуществление национального принципа было символом распада Австрии, отнюдь не обнаруживали склонности идти навстречу планам национального преобразования Италии и менять обладание Ломбардией и Венецией на сомнительную компенсацию в Польше или в Дунайских княжествах Молдавии и Валахии. Но зато соглашение с Россией, еще недавно бывшей главным устоем развалившегося Священного союза, представлявшееся совершенно невозможным в эпоху Людовика Филиппа, теперь казалось вполне осуществимым. Не найдя поддержки в германских государствах во время войны и особенно раздраженная против Австрии, Россия, очевидно, не была больше в прежней мере заинтересована в охране неприкосновенности их пограничных с Францией владений и не имела больше оснований противиться французским воцелениям. То, что не удавалось сделать при помощи Англии, можно было попробовать при содействии России. Конечно, переделка карты Европы при содействии самодержавной России должна была сильно отличаться от той переделки карты Европы, которую стала бы поддерживать парламентарная Англия. Но это мало смущало Наполеона III, в котором трезвый и холодный ум, осторожность и расчетливость пре-

³⁶ Людовик Филипп (1773 – 1850 гг.) – король Франции в 1830 – 1848 гг.

³⁷ Тьер Луи Адольф (1797 – 1877 гг.) – французский историк и политический деятель. Занимал должность министра иностранных дел (1836, 1840 гг.), премьер-министра Франции (1836 – 1839, 1840 гг.); президент Третьей Республики (1871–1873 гг.).

³⁸ Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787–1874 гг.) – французский государственный деятель, историк. Был министром иностранных дел (1840 – 1848 гг.), премьер-министром (1847–1848 гг.).

красно уживались с туманной мечтательностью и склонностью к утопическим проектам. Силу воли в его характере заменило упрямство. Он бросал в воздух от времени до времени какую-нибудь из своих излюбленных *idées fixes*, изумлял Францию и Европу смелостью своих замыслов, наталкивался на непобедимые препятствия и отступал назад, но отступая только для того, чтобы подойти к вопросу с другой стороны, при первом удобном случае снова поставить его на очередь дня и хотя бы постепенно, путем частичных мер, идти к реализации своих широких мечтаний. Еще в детстве мать окрестила его прозвищем «тихого упряма» (*le doux entêté*), и эта черта его характера ярко отразилась на всей его и внутренней и внешней политике. С отказом Англии и перспективой сближения с Россией Польша, очевидно, выпадала из его рук в качестве главного козыря будущих планов территориальных преобразований. Трудно было также думать о близкой возможности объединения скандинавских государств. Но зато содействие России, по-видимому, судило возможность наметить реализацию «принципа национальностей» в других странах Европы и поднять вопросы о преобразовании Германии и Италии, тесно связанные в сознании самого Наполеона III с пересмотром трактатов 1814 и 1815 гг. и возвращением Франции ее естественных границ. Для осуществления этих планов реально существующая Россия, очевидно, могла бы оказаться гораздо более ценной союзницей, чем еще не существующая Польша. Что же касается самой Польши, то можно было попытаться добиться восстановления ее национальной жизни хотя бы в пределах конституции 1815 г., данной Царству Польскому Александром I³⁹ и затем уничтоженной Николаем I,⁴⁰ путем дружеского давления на русское правительство, тем более, что самый факт крушения всей системы полицейско-крепостного режима эпохи Николая I должен был неизбежно толкнуть Россию по пути либеральных реформ.

Таковы были мотивы, побуждавшие Францию Наполеона III не только добиваться заключения мира с Россией, но и намечать курс будущего тесного сближения с нею. Но еще более были могущественны мотивы, тол-

³⁹ Александр I Павлович Благословенный (1877 – 1825 гг.) – российский император с 1801 г. Был одним из руководителей Венского конгресса 1814 – 1815 гг., организаторов Священного союза. При Александре I герцогство Варшавское решением Венского конгресса было присоединено к России. 27 ноября 1815 г. Польша получила свою конституцию, позволявшую Польше выбирать сейм, свое правительство и иметь собственную армию.

⁴⁰ После польского восстания 1830 – 1831 гг. Николай I отменил польскую конституцию и все конституционные гарантии, заявив, что Царство Польское отныне будет составлять одну из частей Российской империи и управляться на основании особого Органического статута, обнародованного в феврале 1832 г.

кавшие Россию к скорейшему сближению с Францией. Франция второй половины 50-х годов в том случае, если бы Наполеон III удовлетворился достигнутым и отказался от дальнейшей активной политики, в конечном счете, могла обойтись без сближения с Россией. Для России, наоборот, после ее поражения, сближение с Францией являлось политической необходимостью. Вопиющая экономическая и политическая отсталость, воочию обнаружившая полное банкротство старого порядка и бывшая главной причиной поражения, заставляла правительство Александра II, несмотря на всю приверженность его представителей к Николаевским традициям, в первую очередь заняться внутренними преобразованиями и приступить к ломке всего социального и политического уклада старой крепостной России. На очереди дня стояла крестьянская реформа и экономическое оживление страны на основе свободного труда. Но процесс этого оживления был немислим без широкого привлечения иностранного капитала, без обращения за экономической помощью к тем самым западным державам, которые были ее главными противниками во время проигранной ею войны. С особенной остротой стоял вопрос о скорейшем создании в России сети железных дорог, имевший в данный момент даже не столько экономическое, сколько военно-политическое значение, так как отсутствие хорошо оборудованных путей сообщения было одной из главных причин русских военных неудач в Крыму. Не говоря уже о каких бы то ни было мечтах о восстановлении прежнего политического значения России в Европе и на Востоке, сооружение сети внутренних железных дорог было просто необходимо с точки зрения обороны существующих границ, с точки зрения защиты своей территории от возможной в будущем новой войны. Между тем, правительство, израсходовавшее на Крымскую войну свыше 700 млн. рублей и стоявшее перед необходимостью новых грандиозных расходов на крестьянскую реформу, очевидно, было не в состоянии взяться за постройку железных дорог средствами казны и при бедности России капиталами неизбежно должно было обратиться за содействием к иностранным, т.е. прежде всего к английским и французским капиталистам.

Но простой помощи капиталами было недостаточно. Россия не могла оставаться изолированной в Европе. О продолжении старой миродержавной политики Николая I, конечно, больше не могло быть и речи. Это хорошо сознавал даже старый канцлер Нессельроде,⁴¹ посвятивший всю свою

⁴¹ Нессельроде Карл Васильевич (1780 – 1862 гг.) – граф, российский государственный деятель, дипломат. С 1801 г. – на дипломатической службе, работал в русских дипломатических миссиях в Берлине и Париже, в 1844 г. назначен государственным канцлером. В политике был противником всего либерального.

жизнь служению союзу «северных» держав и осуществлению начал Священного союза. «Россия, – писал он главному русскому уполномоченному на Парижском конгрессе Орлову,⁴² – нуждается в сосредоточении в самой себе и изыскании средств исправить беды, нанесенные войной, путем согласованного развития своих внутренних ресурсов» [14].

Еще более отчетливо сознавал это и подчеркивал князь А.М.Горчаков,⁴³ выдвинувшийся на первый план в рядах русской дипломатии своим участием в венских конференциях 1855 г., а 15 (27) апреля 1856 г. сменивший Нессельроде на посту министра иностранных дел. «Мы хотим, – писал он в одной из своих депеш, – оставаться хозяевами у себя дома, посвящать наше внимание преимущественно внутренним делам, предоставить другим государствам заботу об их собственных делах, не смотреть больше на современную историю, как на старый альманах, а постараться воспользоваться ее уроками» [15]. Определяя несколько позже направление русской политики, он подчеркивал, что она ни в коем случае не может быть агрессивной, что в расчеты России не входит ни «дух завоевания», ни стремление к приобретению «преобладающего влияния» в делах Европы, и что ее девизом на ближайшее по крайней мере время должна быть «политика воздержания» (*une politique d'abstention*) [16]. В качестве характеристики этой политики воздержания он же пустил в оборот долго повторяющуюся в дипломатических кругах фразу: «Россия не дуется, она только сосредотачивается в самой себе» [17].

Как бы далеко однако не простиралась такая политика «воздержания» и «сосредоточения в себе», Россия, очевидно, не могла оставаться среди европейских держав изолированной и должна была искать какой-нибудь международной комбинации, которая, если бы и не помогла ей вести активную политику, то, по крайней мере, оказывала бы ей поддержку в защите ее собственных интересов. Отношения с Австрией, которая «удивила мир своей неблагодарностью», были безнадежно испорчены на более или менее продолжительный срок. Оставалась, правда, в хороших отношениях

⁴² Орлов Алексей Федорович (1786 – 1861 гг.) – князь, русский военный и государственный деятель, первый уполномоченный России на Парижском конгрессе 1856 г., председатель Государственного совета и Комитета министров (1856 – 1860 гг.).

⁴³ Горчаков Александр Михайлович (1798 – 1883 гг.) – видный российский дипломат. Находясь при министре Нессельроде, присутствовал на конгрессах в Троппау (1820 г.), в Лайбахе (1821 г.), в Вероне (1822 г.), служил секретарем посольства в Лондоне (1824 г.), советником посольства в Вене (1833 г.), посланником в Штутгарте (1841 – 1854 гг.), послом в Вене (1854 – 1856 гг.). После выхода в отставку графа Нессельроде занял пост министра иностранных дел (1856 – 1881 гг.).

с Россией Пруссия, и Александр II⁴⁴ в своих письмах к своему дяде Фридриху Вильгельму IV⁴⁵ охотно говорил о «двойственном союзе между Россией и Пруссией» [19]. Но, во-первых, в русских правительственных кругах были отлично осведомлены о существовании в Пруссии влиятельного течения, так называемой *Wochenblattspartei*,⁴⁶ которая стояла за союз с западными державами и даже за участие в войне с Россией [19], а, во-вторых, Пруссия 1855 – 1856 гг. представляла собой и с военной, и с политической точки зрения слишком малую величину для того, чтобы союз с ней мог явиться достаточным противовесом коалиции трех остальных великих держав. Сближение с Англией, о котором в свое время мечтал Николай I, в глазах русского правительства представлялось невозможным. Англия по-прежнему оставалась «нашим настоящим и постоянным врагом». Ее экономические интересы на Востоке находились в непримиримом противоречии с интересами России, а так как Англия, по определению Горчакова, была по преимуществу «государством материальных расчетов», то она естественно должна была всегда находиться в лагере противников России.

Таким образом, оставалась одна Франция, и именно с нею надо было добиваться сближения для того, чтобы выйти из состояния изоляции и улучшить свое международное положение. К этому выводу уже в 1855 г. пришел Нессельроде, основывая свои планы на начавшем обнаруживаться расхождении французских и английских интересов на Востоке. И России было что предложить. Она могла не только гарантировать Франции невозможность образования против нее европейской коалиции, которая оказывалась без участия России немыслимой, но и занять заранее дружественную позицию на случай конфликта Франции с Австрией, вероятность которого Горчаков признавал вполне отчетливо. А для самой России сближение с Францией кроме экономической поддержки давало гарантию безопасности на ближайшее будущее и даже открывало отдаленные пока возможности возвращения рука об руку с Францией к активному участию в делах Востока и восстановления русского влияния в Турции и на Балканском полуострове [20].

Сознание возможности полного соглашения между Францией и Россией было так распространено, что первые шаги к сближению между ними нача-

⁴⁴ Александр II Николаевич, Освободитель (1818 – 1881 гг.) – император всероссийский, царь польский и великий князь финляндский (1855 – 1881 гг.).

⁴⁵ Фридрих-Вильгельм IV (1795–1861 гг.) – прусский король из династии Гогенцоллернов (1840 – 1861 гг.).

⁴⁶ Группа умеренных консерваторов в Пруссии, отличавшаяся антирусскими настроениями.

лись задолго до Парижского конгресса. О сближении с Россией Наполеон III помышлял еще во время президентства, т.е. раньше, чем окончательно решил направить курс своей политики в сторону английского союза, и сторонником такого сближения был один из самых близких к нему людей, его сводный брат, сын королевы Гортензии⁴⁷ и генерала Флаго,⁴⁸ граф Морни,⁴⁹ бывший сначала министром внутренних дел во время переворота 2 декабря, а затем занявший пост президента законодательного корпуса. Но в эти годы, когда Николай I находился в зените своего могущества, препятствием к сближению являлась сама Россия, а отнюдь не Франция. И позже, в 1853 г., когда русско-турецкий конфликт был уже в полном разгаре, Наполеон III не сразу решился на войну. По крайней мере, еще осенью 1853 г. принц Наполеон, его двоюродный брат, зондировал чрез Горчакова, бывшего в то время в Штутгарте, почву относительно возможности франко-русского соглашения [21]. Соглашение оказалось невозможным, и только кровавые уроки Севастополя изменили в этом отношении психологию правящих кругов России. Но инициатива сближения опять принадлежала Франции. Уже после смерти Николая I Наполеон III поспешил выразить свое соболезнование Александру II через Зеебаха,⁵⁰ зятя Нессельроде и саксонского посланника в Париже, который взял на время войны на себя охрану интересов русских подданных во Франции. В Петербурге поняли аванс Наполеона, и Нессельроде ответил изъявлением своей готовности вступить в переговоры о мире, но последовавшие затем переговоры в Вене оказались безуспешными. Падение Севастополя послужило новым отправным пунктом для возобновления французской инициативы, и на этот раз более удачным. Добившись крупного успеха на поприще войны, и разоча-

⁴⁷ Гортензия де Богарне (1783 – 1837 гг.) – падчерица императора Наполеона I, королева Голландии (1806 – 1810 гг.). Мужем Гортензии стал Людовик Бонапарт (1778 – 1846 гг.), младший брат Наполеона. Брак их не был счастливым. Гортензия увлеклась внебрачным сыном Талейрана Шарлем де Флао, и в 1811 г. у них родился сын Шарль Огюст, будущий граф Морни.

⁴⁸ Огюст Шарль Жозеф Флао-де-ла-Биллардри (1785 – 1870 гг.) – французский генерал и политический деятель. Во время войны 1812 г. произведен в генералы и назначен адъютантом императора. Был послом в Берлине (1831 г.), Вене (1841 – 1848 гг.), Лондоне (1860 – 1862 гг.).

⁴⁹ Шарль-Огюст-Луи-Жозеф Морни (1811 – 1865 гг.) – граф, французский политический деятель, незаконнорожденный сын королевы Гортензии и графа Флао, сводный брат Наполеона III. Член Законодательного собрания (1849 – 1851 гг.), министр внутренних дел (1851 – 1852 гг.), председатель Законодательного корпуса (1854 – 1865 гг.), с мая 1856 по август 1857 г. состоял французским послом в Петербурге.

⁵⁰ Зеебах Лев Павлович – барон, саксонский посланник в Париже.

ровавшись в возможности привлечь Англию к осуществлению своих планов на счет Польши, Наполеон решил повторить тильзитский жест своего дяди и окончательно протянуть руку России. Немедленно после выяснения ситуации в Англии он поручил через своего посланника в Берлине дать понять России, что настало время выступить с мирными предложениями. Одновременно он дал аналогичные поручения саксонскому министру Бейсту⁵¹ и баварскому министру Пффордтену,⁵² воспользовавшись их пребыванием на всемирной выставке в Париже в октябре 1855 г. Нессельроде отклонил посредничество Бейста и предпочел вступить через Зеебаха в прямые переговоры с Францией на основе 4 пунктов, обсуждавшихся уже на конференциях в Вене [22]. Эти 4 пункта, как известно, состояли: 1) в отказе России от протектората над Дунайскими княжествами; 2) в установлении при помощи европейской комиссии свободы плавания по Дунаю и его устьям; 3) в пересмотре договора 1841 г. о проливах «в интересах европейского равновесия»; 4) в отказе России от притязаний на специальное право покровительства турецким подданным православного исповедания. Со времени венских конференций только было окончательно раскрыто содержание неясного 3-го пункта и «интересы европейского равновесия» признавались требующими установления нейтрализации Черного моря и запрещения содержать на нем военный флот и сооружать на его берегах морские арсеналы и крепости.

Параллельно с официальным обсуждением 4 пунктов, как основных условий будущего мирного договора, в переговорах между Зеебахом и французским министром иностранных дел Валевским, шла с конца ноября по конец декабря 1855 г. обставленная глубочайшей тайной частная переписка по тому же поводу между Горчаковым и Морни чрез посредство двух австрийских банкиров Эскелеса и Сины, первый из которых в данное время находился в Париже и вел переговоры о покупке австрийских железных дорог могущественной французской банковской компанией – Обществом движимого кредита (Jociete du Crédit mobilier). К делам этой компании, во главе которой стояли банкиры братья Перейры⁵³, Морни имел ближайшее отношение [23].

⁵¹ Фридрих Фердинанд фон Бейст (1809–1886 гг.) – граф, министр иностранных дел Саксонии (1849–1853 гг.), министр внутренних дел (1853 – 1856 гг.), министр-президент (1858–1866 гг.).

⁵² Людвиг Карл Генрих фон Пффордтен (1811–1860 гг.) – баварский государственный деятель. Министр иностранных дел (1849 г.), президент кабинета. В 1859 г. ушел в отставку, вновь назначен министром-президентом Баварии в 1864–1866 гг.

⁵³ Братья Перейры, Эмиль (1800–1875 гг.) и Исаак (1806–1880 гг.) – французские банкиры, в 1867 г. основали общество *Crédit mobilier*.

Практические советы Морни Горчакову сводились к настойчивым указаниям о необходимости принять 3-й пункт в его новой интерпретации, т.е. согласиться на признание Черного моря нейтральным (остальные пункты Россия приняла еще на венских конференциях), причем автор не скупился на доказательства полной возможности для Франции еще долго продолжать войну и непрерывности англо-французского союза. Но наряду с этим Морни делал определенные намеки о том, что в ближайшем будущем «интересы» могут «переместиться», и что часто «нация, навязавшая условия ограничения военных сил, первая предлагает нарушить это условие» [24]. Принимая во внимание исключительную близость Морни к Наполеону III, русское правительство не могло не усмотреть в этих почти прозрачных намеках тайную мысль самого Наполеона и не увидеть в них определенное желание тесного сближения с Россией. Так, по крайней мере, понял Морни Горчаков, в одном из своих писем уже прямо заговоривший о «добром согласии» между обеими державами и о возможности для них «пойти навстречу друг другу с распростертыми объятиями» (*de se donner une forte et loyale étreinte*) [25].

Но на самом деле Наполеон III вел двойную игру. В то самое время, как он позволял Морни делать Горчакову так много значившие намеки, за спиной России он вел переговоры с Австрией о выступлении ее с ультиматумом в качестве официальной посредницы, и начал эти переговоры в том же самом октябре 1855 г., когда вообще пришел к выводу о необходимости заключения мира. Результатом этих переговоров с Австрией была выработка текста ультиматума на основе тех же 4 пунктов, но с новым ухудшением для России: в пункт 2-й для более верного обеспечения свободы плавания по Дунаю было внесено требование уступки Россией прилегающей к Пруту и Дунаю части Бессарабии по линии от крепости Хотина⁵⁴ до озера Сальчик (Сасик).⁵⁵ Соответствующее соглашение между Францией и Австрией состоялось 14 ноября [26]. 18 ноября условия этого соглашения были переданы в Англии, где вызвали самое сильное раздражение, и для того, чтобы сломить противодействие Пальмерстона и Кларендона, понадобилось личное письмо Наполеона III к Виктории (22 ноября), в котором Наполеон III

⁵⁴ В историческом прошлом Хотинская крепость служила форпостом Галицко-Волынского княжества, оборонительным пунктом Приднестровья. В 1621 г. под Хотинем объединенное польско-украинское войско разбило многотысячную турецкую армию, но Хотин остался под властью турок. После присоединения Бессарабии к Российской империи крепость была восстановлена. После Крымской войны Хотинская крепость как военный объект потеряла значение.

⁵⁵ Сасик, Сасык-Сиваш – крупное соленое озеро на полуострове Крым.

ставил Англию перед выбором – или принять проект австрийского ультиматума, или согласиться на план восстановления Польши и другие изменения в карте Европе [27]. Пальмерстону и Кларендону пришлось отказаться от мечтаний о сокрушении могущества России на Балтийском море, но зато они стали, по крайней мере, настаивать на увеличении требований относительно юга России и добились прибавления к 4 пунктам соглашения особого 5-го пункта, в силу которого воюющие державы сохраняли за собой право сверх 4 пунктов предъявить еще России «особые требования» (*conditions particulières*). В такой форме состоялось 2 декабря соглашение с Англией, и 15 декабря был, наконец, выработан окончательный текст австрийского ультиматума для предъявления его России [28].

Какие цели преследовала эта двойственная политика Наполеона III? Обозначало ли это, что он еще не решился окончательно на сближение с Россией, и что он пытался в последний раз найти почву для привлечения на свою сторону Австрии, мечтая, быть может, купить ее соглашение на переделку карты Европы путем передачи территории Дунайских княжеств в обмен на Ломбардию или на Галицию? Такое предположение возможно, но более вероятным представляется другое толкование его политики. Выступление Австрии ему нужно было для того только, чтобы не прибегая к формальному разрыву с Англией, сломить противодействие Пальмерстона и побудить Англию отказаться от продолжения войны. О серьезном сближении с Австрией, которое бы закрыло дорогу будущему сближению с Россией, речь могла идти только в том случае, если бы Австрия в случае отвержения Россией ультиматума обещала принять участие в военных действиях. Но на самом деле она обязывалась только порвать с Россией дипломатические отношения [29], и, следовательно, реально ни на волос не приближала Наполеона III к осуществлению его планов, так что будущая помощь России оставалась для него по-прежнему необходимой. Вдобавок, предъявление Австрией ультиматум с этой точки зрения для Франции было даже выгодно, так как выдвинутое Австрией требование уступки части Бессарабии только еще более раздражало Россию против своей старой союзницы и еще более толкало ее в сторону сближения с Францией. Дело в данном случае было именно в уменьшении английских претензий, а не в сближении с Австрией, и это доказывается тем обстоятельством, что Наполеон III немедленно начал переговоры с Англией относительно «специальных требований», которые союзники собирались предъявить России на основании 5-го пункта ультиматума. Желания Пальмерстона сводились в этом вопросе к следующему: запрещение России укреплять Аландские

острова,⁵⁶ образование на всей территории Кавказа на юг от р. Кубани ряда самостоятельных княжеств в вассальной зависимости от Турции, распространения принципа нейтрализации на Черное, но и на Азовское море, срытие морских укреплений и сооружений кроме берегов Черного моря еще в Николаеве и Херсоне. Наполеону III путем настойчивых переговоров удалось не только добиться сведения всех этих требований к двум – к запрещению укреплять Аландские острова и к рассмотрению вопроса о территориальных правах России на восточном побережье Черного моря, – но и получить от Англии разрешение сообщить о таком предполагаемом содержании 5-го пункта России через Зеебаха [30].

Официально после согласия на австрийский ультиматум Валуевский должен был прекратить переговоры с Зеебахом, но в то же время Наполеон III поспешил использовать поездку Зеебаха в Петербург в последних числах декабря для того, чтобы наряду с официальным советом о полном и безоговорочном принятии ультиматума еще раз заговорить о своем желании «длительного сближения» с Россией и обещать дать доказательства этому во время будущих переговоров о мире [31].

Опираясь на видимую готовность Франции заключить мир на основе 4 пунктов без всяких к ним добавлений, которая обнаружилась во время переговоров Зеебаха с Валуевским, на намеки Морни и благожелательные фразы Наполеона III русское правительство попыталось уклониться от принятия австрийского ультиматума при помощи контрпредложений, которые отвергали добавочный 5-й пункт и принимали остальные 4 пункта в их прежней редакции, т.е. без уступки части Бессарабии. Но попытка расстроить таким образом налаженное согласие между Францией, Англией и Австрией окончилась неудачей, и Россия оказалась вынужденной или целиком принять, или целиком отвергнуть ультиматум [32].

Известно, что вопрос этот, обсуждавшийся в Петербурге, на чрезвычайном совещании под председательством Александра II 3 (15) января 1856 г. был разрешен в пользу безоговорочного принятия ультиматума [33]. Действительно, раз не было надежды расстроить соглашение противников, продолжение войны для России оказывалось невозможным. Внутренние затруднения, как финансового, так и чисто военного характера, достигли

⁵⁶ Аландские острова – архипелаг в Балтийском море. Ввиду стратегического расположения островов на протяжении многих веков они были предметом геополитических игр нескольких крупных держав. России удалось установить контроль над Аландскими островами после военной кампании 1808 – 1809 гг. Парижский мирный договор 1856 г. присвоил островам статус демилитаризованной зоны.

такой степени, что не приходилось и мечтать о сколько-нибудь успешных военных действиях, а внешнее положение России становилось все более безотрадным. Коалиция ее врагов увеличилась присоединением к ним Швеции. Греция, которая могла бы нанести Турции удар в тыл и этим, может быть, вызвать восстание турецких христиан, была давно оккупирована англо-французским десантом. Симпатии Дании, Неаполя и Соединенных Штатов, очевидно, могли быть только платоническими. Сочувствие средних и мелких немецких государств, до сих пор упорно сопротивлявшихся движению Австрии, начинало слабеть, и из Баварии, Вюртемберга, Саксонии шли настойчивые советы прекратить сопротивление и согласиться на заключение мира. Но самое главное заключалось в положении Пруссии. Становилось трудно рассчитывать на то, что Пруссия сможет и дальше держаться позиции дружественного нейтралитета.

Во французской литературе с легкой руки Гурдона и Ротона [34] установился взгляд, что Александр II в последнюю минуту согласился принять условия австрийского ультиматума под давлением Фридриха Вильгельма IV, который будто бы грозил в случае отказа России последовать примеру Австрии и порвать дипломатические сношения с Россией. Эту версию повторяет даже Шарль-Ру [35]. Ни в русской и немецкой литературе, ни в документах русского министерства иностранных дел нет, однако, никаких указаний на то, что Пруссия также заняла по отношению к России угрожающее положение. Наоборот, личное письмо Фридриха Вильгельма IV Александру II от 25 декабря (6 января) 1856 г. было проникнуто самым теплым, родственным тоном. Он умолял своего «дорогого и хорошего Александра» довести до последнего предела свою уступчивость по отношению к враждебным России державам, чтобы обеспечить скорейшее заключение мира, так как продолжение войны грозит серьезными опасностями не только России, но и Пруссии. Ведь по отношению к Пруссии три «так называемые христианские державы» имеют совершенно определенные враждебные намерения: Франция хочет отнять у нее Рейнские провинции, Австрия – вернуть себе Силезию, а Англия разорить прусскую торговлю и промышленность, так что, в конечном счете, Пруссия может оказаться «индейкой на празднике» (*le dindon de la fête*) [36]. Что все эти просьбы отнюдь не были поняты в Петербурге в смысле угроз, доказывает и ответное письмо Александра II от 7 (19) января 1856 г., где он говорит о двойственном союзе между Россией и Пруссией и о своей «вечной» благодарности «дорогому дяде» за то «прекрасное положение», которое он сумел сохранить за Пруссией во время войны, и которое было так полезно для России [37]. Угроз таким образом не было, но просьбы в данном случае были, пожалуй, сильнее угроз, так как они не оставляли сомнений, что в

случае продолжения войны Пруссии не удастся дольше сохранить свой нейтралитет, а, как ни сильны были симпатии короля и придворной партии по отношению к России, нарушить нейтралитет Пруссия, очевидно, могла только в пользу коалиции, а не в пользу России.

Таким образом, немедленное заключение мира на основе австрийского ультиматума представлялось для русского правительства совершенно неизбежным. Но перспективы этого мира при ближайшем рассмотрении могли оказаться менее грозными, чем это представлялось с первого взгляда, так как в предложенных Австрией и Англией дополнениях к 4 пунктам, по-видимому, можно было добиться значительных смягчений. Во-первых, Австрия допускала в принципе пересмотр проектировавшихся ею размеров территориальной уступки в Бессарабии во время будущих мирных переговоров. А во-вторых, Зеебах довел до сведения русского правительства, что таинственный и грозный пункт 5-й благодаря настояниям Наполеона сведен к очень небольшим размерам, и что, вдобавок, Наполеон обещает свои добрые услуги и в будущем. Очевидно было, что если Нессельроде и ошибся в возможности непосредственного соглашения с Францией, но зато ничуть не ошибся в возможности дальнейшего сближения с нею. Оставалось возложить все свои надежды на завоевание французских симпатий и прежде всего симпатий самого Наполеона III, по всем данным собиравшегося играть не только роль великодушного победителя, но и беспристрастного арбитра между Англией и Австрией с одной стороны и Россией с другой. С этой целью русское правительство предложило выбрать местом будущего конгресса Париж, а не Вену, и в соответственном духе были составлены инструкции русским уполномоченным на конгрессе, Орлову и Бруннову⁵⁷. Предупредительность русского правительства по отношению к тому, кого еще так недавно высокомерно третировал Николай I, отказываясь называть его своим «братом», шла теперь так далеко, что был даже заготовлен проект личного письма Александра II Наполеону III, которое должен был отвезти в Париж Орлов. Проект этот уже без всяких колебаний начинался с обычного между государями обращения «*Monsieur mon frère*» подчеркивал «доверие», которое испытывал Александр II к «личному воздействию на ход переговоров» со стороны Наполеона III, и указывал на то, что в предстоящих переговорах Орлов явится не простым уполномоченным, а «другом-хранителем» (*un ami depositaire*) наиболее интимных соображений самого Александра II [38]. Письмо, правда, не было отправлено и было

⁵⁷ Бруннов Филипп Иванович (1797–1875 гг.) – граф, русский дипломат. На посту посланника России в Лондоне (1840–1854, 1858–1874 гг.) проводил политику англо-русского сближения.

заменено письмом Нессельроде к Валуевскому, но для тогдашних настроений русских правящих кругов в высшей степени характерен был самый факт составления этого проекта.

II

История Парижского конгресса, заседавшего с 25 февраля по 16 апреля 1856 г., в своих общих чертах давно и хорошо изучена, для чего исследователи широко пользовались и протоколами самого конгресса, и воспоминаниями участников, и неопубликованными документами различных европейских архивов. В частности материалами архива русского министерства иностранных дел для этой цели последовательно пользовались Жомини, Петров, Татищев, Мартенс [39]. Поэтому в дальнейшем изложении мы коснемся только тех моментов деятельности конгресса, которые относятся к нашей основной задаче – изучению франко-русских отношений.

Наполеон III сделал уже так много авансов по отношению к России, что это возбуждало в Англии очень серьезные опасения за прочность англо-французского союза, и Кларендон с специальной целью контроля над деятельностью французской дипломатии настоял на своем назначении уполномоченным в Париже [40], а затем постарался связать Наполеона III предварительным соглашением между Австрией, Англией и Францией, которое состоялось накануне открытия конгресса 21 февраля, и в силу которого все три державы обещали не делать России новых уступок без взаимного согласия [41]. Пальмерстон пытался даже телеграммой от 24 февраля снова вернуться к прежним английским требованиям относительно нейтрализации Азовского моря, срытия укреплений Николаева и Херсона и признания Россией независимости, если не всех кавказских народов, то, по крайней мере, северокавказских горцев (их обозначали в Западной Европе одним именем черкесов), которым во время войны Англия оказывала активную помощь [42].

Но все эти меры не могли помешать Наполеону III пойти по заранее намеченному им пути сближения с Россией, и на первом же свидании своем с Брунновым, который приехал в Париж раньше Орлова, Морни не замедлил пролить истинный свет на политику своего императора, заявив, что публично Наполеон будет всячески афишировать значение для Франции союза с Англией, но что все эти манифестации на самом деле будут только прикрывать «тайну подготовляющегося перехода от одной политической системы к другой», и что настоящее дипломатическое искусство будет состоять в том, чтобы дать созреть намечающимся отношениям, не форсируя насильственно их развития [43].

Орлов по своему приезду, конечно, поспешил воспользоваться новыми намеками Морни и в короткое время не только сумел приобрести бросавшееся всем в глаза расположение Наполеона III, но и завоевать шумную популярность во французском обществе, никогда вообще не проявлявшем и во время войны особой враждебности по отношению к русским и теперь охотно отозвавшимся на данный свыше лозунг сближения с Россией [44]. Орлову тем легче было достигнуть успеха, что он сразу у Наполеона III нашел полную готовность идти навстречу России. Уже при первом своем свидании с Орловым Наполеон стал развивать пред ним, хотя и в несколько смутной форме, планы лучшего устройства Европы, особенно обращая свое внимание на тяжелое положение Италии и Польши, жалуясь на нежелание Австрии сделать какие-либо уступки по итальянскому вопросу и зондируя по всем этим пунктам настроение русского правительства. И, несмотря на холодно-сдержанное отношение Орлова к его планам, Наполеон III сразу дал ему разрешение обращаться по всем трудным вопросам непосредственно к нему самому, тем самым, признавая принятую на себя роль верховного арбитра [45].

Любезная предупредительность императора сейчас же отозвалась и на поведении Валуевского, и Орлов стал широко пользоваться предоставленными ему возможностями для того, чтобы выговорить России более льготные условия мира. Главной мыслью русских дипломатов было свести к возможному *minimum* у сделанные по настоянию Англии и Австрии дополнения к 4 пунктам. В вопросе об Аландских островах Орлов потерпел неудачу. Он сразу заявил о намерении русского правительства не восстанавливать укреплений в Бомарзунде,⁵⁸ но хотел придать этой уступке добровольный характер и настаивал, чтобы она не была внесена в текст мирного договора. Ему, однако, не удалось этого достигнуть, и он должен был согласиться на заключение особой конвенции по этому поводу с Англией и Францией, которое было присоединено к общему трактату [46]. Зато, не говоря уж об энергичном отклонении всех английских попыток вновь поднять вопросы о Николаеве, Херсоне и об Азовском море, он встретил активную поддержку Франции еще и в вопросе о правах России на Кавказское побережье Черного моря, и предполагавшийся на основании 5-го пункта «пересмотр» этих прав на практике сводился к учреждению смешанной русско-турецкой компании, которая при участии французского и английского комиссаров, должна была заняться проверкой и исправлением русско-турецкой границы в Азии [47]. Независимость черкесов была при

⁵⁸ Бомарзунд – крепость на Аландских островах, заложенная Россией в первую треть XIX в.

этом так основательно забыта, что когда черкесы вздумали послать депутацию в Константинополь, это вызвало резкий протест не только со стороны Франции, но даже и со стороны Англии [48]. Такую же услугу оказала Франция России в деле выработки русско-турецкой конвенции относительно количества военных судов, которые получали право содержать на объявленном нейтральным Черном море обе прибрежные державы. Эта конвенция должна была быть заключена между Россией и Турцией, и, однако, подписанным оказался проект, который был составлен во французском министерстве иностранных дел [49].

Труднее было уладить вопрос о Бессарабии. Русские уполномоченные старались использовать то обстоятельство, что падение Карса произошло уже после составления текста ультиматума, и потому не было в нем учтено, и предлагали вернуть Турции Карс и другие занятые русскими местности в Азии под условием отказа союзников от требования территориальной уступки в Бессарабии. При первом свидании с Орловым Наполеон III согласился на эту комбинацию, но сопротивление Австрии и Англии оказалось настолько сильным, что ему пришлось взять назад свое согласие, и заботиться лишь о том, чтобы уменьшить размеры уступаемой Россией территории. С этой целью русскими уполномоченными были выработаны 3 проекта территориальной уступки, и между Валуевским и Орловым было заранее условлено, что все это будет сохранено в полной тайне, что Валуевский для вида будет возражать против 1 и 2 проектов, как недостаточных, и согласится на 3-й, который представлял maximum возможных с русской точки зрения уступок. При обсуждении этих проектов на заседаниях конгресса произошел маленький, но характерный и оставшийся до сих пор неизвестным эпизод. Видя невозможность отстоять целиком проект территориального разграничения, предложенный в тексте австрийского ультиматума, уполномоченные Англии и Австрии выработали со своей стороны два новых проекта, уменьшавших размеры территориальной уступки со стороны России и представлявших собой две последовательные позиции, на которые они собирались отступать во время споров. Но Валуевский сразу во время прений огласил не менее, а более льготный для России проект ее противников, поступив так, как писал Орлов, «быть может, из желания сделать нашу задачу более легкой, а, быть может, и просто по забывчивости». А так как наиболее льготный для России проект ее противников по существу очень мало отличался от 3-го проекта русских уполномоченных, то «проворство рук» Валуевского значительно укрепило позицию России, и после личного воздействия Наполеона III на Кларендона и Буоля⁵⁹ согла-

⁵⁹ Карл Фердинанд фон Буоль-Шауенштейн (1797 – 1859) – австрийский дипломат и

шение состоялось на основе 3-го проекта с незначительными изменениями. Граница между Россией и Молдавией вместо того, чтобы начинаться от Хотина и идти к озеру Сальчик, теперь начиналась у Кутамор на Пруте, образовывала сильное искривление в сторону Молдавии и оканчивалась у оз. Бурнас.⁶⁰ Практически это обозначало, что уступленная Россией территория была в три раза меньше первоначального австрийского проекта [50].

Такая деятельная поддержка со стороны Франции в целом ряде вопросов внушила Орлову надежду на возможность выйти за пределы роковых 4 пунктов, и он попытался ослабить значение отказа России от специального покровительства православному населению Турции путем постановки вопроса о положении турецких христиан. По настоянию западных держав султан опубликовал особый фирман,⁶¹ провозглашавший равенство его христианских подданных с мусульманами и обещавший вообще турецким христианам некоторые льготы [51]. Орлов предложил по этому поводу включить в текст мирного договора особую статью и предложил свой проект такой статьи. В этом проекте говорилось, что султан в благодарность за гарантию неприкосновенности Турецкой империи считает «долгом чести» дать доказательство своих забот о «поддержании религиозных и гражданских вольностей» своих христианских подданных в виде особого декрета; что отсюда вытекают принципы полной свободы культа всех христианских общин и гражданского равенства всех турецких подданных без различия их исповеданий, и что остальные державы, «принимая к сведению» (*prenant acte*) «добровольные заявления» (*determinations spontanees*) султана, «с уверенностью рассчитывают на их полное осуществление» [52]. Одновременно с этим выступлением на конгрессе Орлов попытался вернуться и к пресловутому вопросу о св. местах⁶² и 16 марта конфиденциально передал Валев-

государственный деятель, представитель Австрии на Парижском конгрессе.

⁶⁰ Это положение отразилось в ст.20 Парижского трактата 1856 г.: «Взамен городов, портов и земель, означенных в статье 4-й настоящего трактата [Севастополь, Балаклаву, Камыш, Евпаторию, Керчь-Еникале, Кинбурн], и для вящего обеспечения свободы судоходства по Дунаю, е.в. император всероссийский соглашается на проведение новой граничной черты в Бессарабии. Началом сей граничной черты постановляется пункт па берегу Черного моря в расстоянии на один километр к востоку от соленого озера Бурнаса; она примкнет перпендикулярно к Акерманской дороге, по коей будет следовать до Траянова вала, пойдет южнее Болграда и потом вверх по реке Ялпуху до высоты Сарацика и до Катамори на Пруте. От сего пункта вверх по реке прежняя между обеими империями граница остается без изменения».

⁶¹ Фирман – указ шахов Ирана, султанов Османской империи, других государей в странах Ближнего и Среднего Востока.

⁶² Вопрос о «святых местах» касался известных прав греческого духовенства на

скому проект непосредственного соглашения между Россией и Турцией о св. местах, составленный на основе фирмана, который был издан султаном по настоянию Меншикова⁶³ во время его знаменитой миссии в Константинополе [53].

Смысл этих обоих выступлений Орлова был совершенно ясен. Он уже пытался использовать зародившееся франко-русское сближение для того, чтобы начать сведение на нет неблагоприятных для России результатов Крымской компании и вернуть России ее прежнее положение на Востоке на почве покровительства православным подданным султана. Но Орлов слишком рано захотел получать проценты с не накопившегося еще капитала французской дружбы, и его притязания встретили дружный отпор. Валуевский в ноте от 19 марта ответил на предложение сепаратного соглашения между Россией и Турцией решительным отказом [54]. На конгрессе турецкие уполномоченные, ссылаясь на факт признания равноправности Турции с другими державами, категорически протестовали против помещения в трактате какой бы то ни было статьи о турецких христианах, так как это было бы вмешательством во внутренние дела Турции, а лорд Кларендон заявлял, что проект Орлова «в десять раз хуже ноты Меншикова». От окончательного поражения Орлова опять спасло только личное вмешательство Наполеона III. Вследствие его воздействия в мирный трактат все же оказалась включенной статья о христианах (ст. 9), отредактированная Валуевским в наиболее безобидной для Турции форме.⁶⁴ Статья упоминала о

некоторые места в Вифлееме и Иерусалиме. По этому поводу возникли споры между греко-католическим и римско-католическим монашеством. Россия взяла на себя своего рода протекторат над греками, Франция - над латинянами.

⁶³ Меншиков Александр Сергеевич (1787 – 1869 гг.) – морской министр Императорского флота, генерал-адъютант, адмирал. В 1853 г., когда возникли пререкания с Турцией из-за «святых мест», был послан с миссией в Константинополь. Миссия кончилась неудачей. С началом Крымской войны А.С.Меншикову было поручено командование всеми сухопутными и морскими силами в Крыму.

⁶⁴ Ст. 9 Парижского трактата: «Е.и.в. султан, в постоянном попечении о благе своих подданных, даровав фирман, коим улучшается участь их без различия по вероисповеданиям или племенам, и утверждают великодушные намерения его касательно христианского народонаселения его империи, и, желая дать новое доказательство своих в сем отношении чувств, решился сообщить договаривающимся державам означенный, изданный по собственному его побуждению, фирман. Договаривающиеся державы признают высокую важность сего сообщения, разумея при том, что оно ни в каком случае не даст сим державам права вмешиваться, совокупно или отдельно, в отношения е.в. султана к его подданным и во внутреннее управление империи его».

том, что султан довел до сведения держав об изданном им фирмане, и констатировала от имени держав «высокую ценность» этого сообщения, оговариваясь в то же время, что оно не дает державам права вмешательства в отношения между султаном и его подданными [55]. Лазейка на Восток, которую открывала России Франция, оказывалась, таким образом, много уже той лазейки, которую готовил Орлов, но лазейка все же, благодаря помощи Наполеона III, сохранилась, и в недалеком будущем Россия при содействии Франции сумела ею воспользоваться.

Таким образом, Орлову далеко не во всех случаях удалось достигнуть поставленных им во время мирных переговоров целей. И, тем не менее, к моменту подписания договора (30 марта) непрерывная поддержка, которую оказывали русским уполномоченным Наполеон III и Валуевский, была фактом, бросавшимся в глаза. И Орлов был совершенно прав, когда, характеризуя в одном из своих донесений поведение французского правительства во время конгресса, говорил, что в переговорах Наполеон III «вмешивался деятельно, искусно и постоянно для того, чтобы умерять то исключительные претензии Англии, то своекорыстные расчеты Австрии», и что «он осуществлял свое посредничество не только в наиболее благоприятном для заключения мира смысле, но и в целях дать справедливое удовлетворение нашим прямым интересам». Точно так же Орлов отзывался и о Валуевском, отмечая, что он осуществлял благоприятные по отношению к России намерения Наполеона III «с большим тактом и искусством», и что он во все время переговоров держал себя по отношению к русским уполномоченным, по его собственному выражению, «не как враг, а как помощник» (*auxiliaire*) [56].

Такая предупредительность Наполеона III по отношению к России могла, очевидно, проявляться только под условием подобной же предупредительности со стороны русского правительства по отношению к Франции и прежде всего к самому Наполеону III. Если даже и считать несколько преувеличенными отзывы английских и австрийских дипломатов о чрезмерной угодливости Орлова, переходившей подчас в прямое раболепство [57], и приписывать их естественному раздражению против быстро развивавшегося франко-русского сближения, то, во всяком случае, русское правительство всячески старалось льстить самолюбию Наполеона III и заставить его забыть обо всех обидах, которые были ему причинены при Николае I. Помимо устного поздравления его по поводу рождения сына, которое в свое время передал ему Орлов, Александр II после подписания мирного договора поспешил написать ему еще и личное письмо [58] с поздравлением, в котором говорил об «укреплении дружественных отношений между двумя великими народами» и говорил о «глубоком уважении и искренней друж-

бе» к своему корреспонденту [59]. Орлову было специально поручено поднять на конгрессе вопрос об отмене статей трактатов 1814 и 1815 гг., направленных против династии Бонапартов, и если это не было сделано, то только потому, что этого не пожелало само французское правительство [60].

Известно, что одним из вопросов, больше всего волновавших Наполеона III, был страх пред образованием против Франции общеевропейской коалиции. В связи с этим Орлов опять-таки получил особую инструкцию дать понять Наполеону III, что без участия России подобная коалиция неосуществима, и что Россия отнюдь не намерена в каком бы то ни было отношении ей содействовать [61]. Угождая лично Наполеону III, русские дипломаты старались одновременно помогать ему в осуществлении его политических планов. Вследствие противодействия Англии Наполеону III не удалось во всей полноте поставить проблему преобразования карты Европы. Но он со свойственным ему упорством стремился хотя бы к частичному осуществлению своих планов в тех пунктах, которые его в данное время особенно интересовали, – в Дунайских княжествах, в Италии и в Польше. Мысль об объединении Молдавии и Валахии в одно государство была одной из давних, излюбленных идей Наполеона III. Такое государство было бы с одной стороны одним из примеров осуществления «принципа национальностей», а с другой явилось бы прекрасным объектом для утверждения французского влияния и приложения французских капиталов на Востоке и оказалось бы естественным противовесом против завоевательных стремлений и России, и Австрии. Поэтому Валевский воспользовался обсуждением вопроса о свободе плавания на Дунае и бессарабской границе России, чтобы предложить конгрессу в заседании 8 марта высказаться в пользу объединения княжеств. Противодействие Турции и Австрии помешало этому, но Орлов во всяком случае поспешил вслед за Кларендоном пойти навстречу желаниям Наполеона III и со своей стороны, согласно полученной инструкции, высказался за объединение [62].

В итальянском вопросе в данную минуту Наполеону III еще не была нужна активная поддержка России. С него пока было достаточно восстановления между Россией и Сардинией дружественных отношений [63], и молчаливого пособничества выступления Валевского в пользу Италии, проявленного Орловым на том особом заседании конгресса (8 апреля), когда по настоянию Наполеона были вообще подняты все европейские вопросы, его интересовавшие [64]. Гораздо более трудным и шекотливым было положение русских уполномоченных в польском вопросе. Наполеон хотел поднять польский вопрос одновременно с итальянским, но допустить не только обсуждение, а даже и постановку польского вопроса на конгрессе

значило официально признать его европейский характер и отказаться от одной из основных традиций русской дипломатии, в силу которой всякая попытка ставить польский вопрос в европейском масштабе рассматривалась как вмешательство во внутренние дела России. Орлов поэтому употребил все усилия, чтобы отговорить Наполеона III от его намерения. Формально он добился успеха, и польский вопрос в заседании 8 апреля вовсе не был затронут. Мало того, в одном из своих разговоров с Наполеоном III Орлов, по его словам, прямо указал, что всякое иностранное вмешательство в польский вопрос может только повредить полякам, чем заслужил резолюцию Александра II – «очень хороший ответ!» [65]. Но эта формальная победа прикрывала уступки, сделанные по существу вопроса. Не допустив на конгрессе того, что на языке русской дипломатии называлось вмешательством во внутренние дела России, Орлов открыто пошел навстречу этому вмешательству в частных разговорах с Наполеоном III, Валевским и Кларендоном [66]. Он заявлял, что все религиозные стеснения в Польше устранены, и что в ней обеспечена полная свобода католического культа, что приняты меры к проведению в жизнь конкордата, заключенного с римской курией, и что уже получено по этому поводу от папы благодарственное письмо. От имени Александра II он обещал в ближайшем будущем опубликование амнистии за участие в революции 1830 – 1831 гг. и, не соглашаясь официально произнести на заседании конгресса те «слова благожелательности и великодушия», о которых его просил Наполеон III, давая понять, что сам Александр II вовсе не отказывается при этом от «милости за прошлое» и от «улучшений в будущем» [67]. Конечно, заявления и обещания такого рода страдали большой неопределенностью, но их, во всяком случае, было достаточно для того, чтобы дать Наполеону III возможность в будущем в той или иной степени оказывать давление на русское правительство в польском вопросе в форме «дружеского воздействия», а мы уже раньше видели, что с тех пор, как Наполеон III направил курс своей политики в сторону сближения с Россией, его программа возрождения польской национальности значительно видоизменилась, и в пределах ближайшего будущего не шла дальше воскрешения конституционного Царства Польского [68]. Поэтому частные объяснения и обещания Орлова пока удовлетворяли обе стороны, щекотливый вопрос оказывался обойденным и отсроченным, и уступки, сделанные Россией в деле применения «принципа национальностей», пока являлись достаточными для Наполеона III.

Политическое сближение между двумя правительствами, достигнутое путем взаимной поддержки и взаимных уступок, могло приобрести действительную устойчивость только в том случае, если бы оно опиралось на такое же экономическое сближение между обеими странами. Дружба пра-

вительства Александра II с правительством Наполеона III могла быть прочной только тогда, когда в ней был бы заинтересован тот наиболее влиятельный класс во Франции, от которого больше всего зависело и на который, прежде всего, опиралось само правительство Наполеона III. финансовая и промышленная буржуазия. И в этой плоскости русское правительство, нуждавшееся в помощи иностранных капиталов для экономического оживления России и прежде всего для сооружения в России железнодорожной сети, тоже охотно готово было идти навстречу Франции. Одновременно с Орловым и Брунновым, улаживавшим политические вопросы, в Париже действовал с этой целью в качестве агента русского министерства финансов банкир Штиглиц,⁶⁵ уже раньше приобретший известность в организации выпуска русских государственных займов [69]. Он немедленно вступил в деятельные переговоры с французскими капиталистами на тему о привлечении французских капиталов к постройке русских железных дорог, к эксплуатации каменноугольных копей и к развитию фабрично-заводской промышленности и в первую очередь завязал сношения с тем самым Обществом движимого кредита, к которому был так близок главный защитник русских интересов при дворе Наполеона III, Морни, и которому покровительствовал сам Наполеон III [70].

Каковы были к концу Парижского конгресса итоги взаимных стараний Франции и России пойти друг другу навстречу? Русское правительство оценивало их очень высоко и видело результат конгресса не только в том, что был заключен мир, но и в том, что удалось «разорвать коалицию, принимавшую все более и более грозные размеры и способную ввергнуть Россию в продолжительную войну, исход которой невозможно было предвидеть». Единственную свою гарантию против возможности восстановления такой коалиции оно видело в «благожелательных намерениях» Наполеона III и рекомендовало применять все усилия к тому, чтобы сохранить их и на будущее время [71]. И в такой оценке положения русское правительство было недалеко от истины. Франко-русское сближение развивалось столь быстрым темпом, что уже во время заседаний конгресса стадо не на шутку беспокоить Англию и Австрию. Австрийский посланник в Париже Гюбнер жаловался на то, что Валуевский сделался «более русским», чем сам Орлов,

⁶⁵ Штиглиц Александр Людвигович (1814–1884 гг.) – крупнейший российский финансист, управляющий Государственным банком, предприниматель, меценат. В 1850-е гг. занимался железнодорожным строительством. При участии Штиглица во время Крымской войны Россия получили значительные внешние займы.

и в дипломатических кругах ходили упорные слухи о предстоящем в самом близком будущем заключении формального союза между Францией и Россией [72]. Открытая постановка итальянского вопроса в заседании 8 апреля выяснила для австрийских уполномоченных и то обстоятельство, что это сближение грозит быть направленным против Австрии. Становилось очевидным, что новый курс французской политики уже вполне определился, и что вернуть Францию на старые рельсы сотрудничества с Англией и Австрией на Востоке не удастся, но можно было, по крайней мере, попытаться помешать ее дальнейшему сближению с Россией, и с этой целью Буоль, найдя себе в этом отношении деятельную поддержку у Кларендона, стал добиваться заключения между Францией, Англией и Австрией специального договора о неприкосновенности Турецкой империи. Необходимость заключения такого договора, рассматривавшего всякое нарушение Россией мирного договора, как *casus belli*,⁶⁶ вытекала из условий соглашения между тремя державами относительно текста австрийского ультиматума 14 ноября 1855 г. Но с тех пор международное положение коренным образом изменилось, и в глазах Наполеона III заключение такого договора потеряло всякий смысл. Тем не менее, Англии и Австрии удалось настоять на соблюдении Францией принятого ею раньше обязательства, и накануне последнего заседания Парижского конгресса. 15 апреля 1856 г., соответственный договор был подписан [73].

О существовании этого договора Орлов и Бруннов узнали от Валуевского в последних числах апреля. Первое впечатление не могло не быть неприятным. Формально опять делалась попытка воскресить против России ту самую коалицию, уничтожение которой всего несколько дней тому назад так радовалась русское правительство. Второй раз обнаруживались также двоедушные политики Наполеона III по отношению к России и его игра на два фронта, и под первым впечатлением от этого известия из-под пера Александра II вырвалась резолюция, показывавшая степень разочарования в Петербурге: «Поведение Франции по отношению к нам не особенно добросовестно (*n'est pas tres loyale*) и должно нам служить нормой для определения степени доверия, которое Людовик Наполеон [74] может нам внушить» [75].

Но скоро обнаружилось, что все опасения русской дипломатии были совершенно напрасны и что договор этот фактически не имел никакого реального значения. Попытка связать Наполеона III в конце конгресса соглашением 15 апреля оказалась не более действенной, чем такая же попытка

⁶⁶ *Casus belli* – юридический термин из римского права (формальный повод объявления войны).

21 февраля, сделанная пред началом заседаний конгресса. Выяснилось, что в первоначальном проекте Буоль и Кларендон хотели указать те обстоятельства, при которых три державы были бы обязаны объявить России войну, и что они считали такими обстоятельствами: 1) сооружение в Николаеве военных судов, которые своими размерами превышали бы условия только что заключенной русско-турецкой конвенции, и 2) концентрацию значительной русской армии в Бессарабии. Но Валуев категорически отказался вести переговоры на этих условиях, а когда Кларендон сделал после этого попытку обратиться лично к Наполеону III, то Наполеон III ему объявил, что он соглашается подписать договор только в общей форме и всецело сохраняет за собой право в каждом данном случае решить сам, представляет ли то или иное обстоятельство действительный *casus belli* [76]. Мало того, факт заключения договора 15 апреля поставил самого Наполеона после всех сделанных им намеков и данных им обещаний по отношению к России в крайне неловкое положение и заставил его заглаживать неловкость всевозможными объяснениями, которые сопровождались усиленными проявлениями всяких симпатий к России, и в которых непрерывно принимали участие и сам Наполеон III, и Евгения, и Валуевский [77]. Особенно красочной в этом отношении была прощальная аудиенция Орлова 24 мая 1856 г., во время которой Наполеон III не только повторял обычные фразы о симпатиях, существующих между двумя народами, но и «с полной искренностью» просил Орлова снискать ему личную дружбу Александра II и «со слезами на глазах» прибавлял, что «такого желание его сердца» [78].

Таким образом, Наполеону III удалось до самого конца конгресса и связанного с ним пребывания в Париже иностранных дипломатов провести ту линию поведения, которую он наметил себе с начала мирных переговоров. И эта линия поведения довела его влияние на дела Европы до апогея. Характеризуя положение Наполеона III в Европе, Морни в одном из своих писем к Валуевскому говорил, что Наполеон III сумел повсюду в Европе внушить к себе «глубокое чувство, которое никогда не внушал император Наполеон I во время своего наивысшего могущества, чувство абсолютного доверия к своему благоразумию (*sagesse*) и к своей умеренности» [79]. Еще ярче ту же мысль выразил другой современник, Кузен,⁶⁷ когда в происшедшем вскоре после заключения мира заседании академии моральных

⁶⁷ Кузен (Cousin) Виктор (1792 – 1867 гг.) – французский философ-идеалист и политический деятель. Посетил в первой четверти XIX в. Германию, лично познакомился с Гегелем и Шеллингом. С 1830 г. – член Французской академии, с 1832 г. – Академии моральных и политических наук, в 1840 г. – министр просвещения.

наук Парвье назвал Наполеона III «императором французов». Кузен перебил его словами: «Скажите лучше, император Европы!» [80]. Для событий 1856 г. в этих отзывах действительно была некоторая доля истины. Ведь в то самое время, как Франция не получила от войны никаких видимых и непосредственно ощутимых выгод, на Парижском конгрессе не было ни одной державы, которой бы Наполеон III не оказал более или менее значительной услуги. Он помог Англии и Австрии сломить преобладание России на Востоке, отстоял неприкосновенность Турции, тесно привязал к себе Сардинию перспективой увеличения ее влияния в Италии, вернул Пруссию в концерт европейских держав, настояв вопреки противодействию Англии и Австрии на ее приглашения на конгресс, протянул, наконец, руку помощи побежденной России, добиваясь смягчения для нее условий мира и открыв ей дорогу для сближения с Францией в будущем. Он взял на себя и сумел до конца выполнить роль благожелательного и беспристрастного посредника. И никому из современников не приходил в голову вопрос, не объясняются ли эти «благоразумие и умеренность» Наполеона III совсем иными причинами, и не обусловлена ли его политика просто обнаружившимся во время войны бессилием Франции достигнуть более крупных результатов и распорядиться Европой в стиле Наполеона I.

III

Действительные источники вынужденного «благоразумия и умеренности» Наполеона III стали обнаруживаться очень скоро. Признанный арбитр Европы оказался не в состоянии немедленно приступить к реализации тех планов, для осуществления которых он добивался гегемонии в Европе. На его пути стали серьезные затруднения в виде внутреннего положения Франции. Война обошлась очень дорого, и, несмотря на успешно заключенные внутренние займы, бюджетное равновесие было нарушено. Неурожай последних лет привели к сильному вздорожанию хлеба и других съестных припасов, и недовольство рабочих ощущалось в правительственных кругах настолько сильно, что Наполеон III, всегда больше всего боявшийся волнений среди рабочих, принужден был даже отказаться от своей обычной поездки в Фонтенбло. Массовая закупка шелка-сырца в Индии и Китае вследствие неурожая во Франции была причиной значительного отлива из Франции серебра и вызвала денежный кризис. Грюндерство первых лет империи, особенно в области городского строительства, привело к переполнению парижского денежного рынка бумагами, а биржевая спекуляция приняла настолько угрожающие размеры, что правительство вынуждено было запретить котирование на парижской бирже иностранных бумаг

без особого на каждый раз разрешения и обставить стеснительными условиями образование новых акционерных компаний. В делах наблюдался застой, и чувство неуверенности в завтрашнем дне было настолько сильно, что достаточно было вздорного слуха об опасном состоянии здоровья самого Наполеона III, чтобы в финансовых кругах началась настоящая паника. Вдобавок, главное орудие активной внешней политики – сама французская армия, после тяжелой войны нуждалась в отдыхе и реорганизации [81].

Необходимость при таких условиях обратить пристальное внимание на очередные вопросы внутренней политики и скорее залечить раны, причиненные войной, заставляла Наполеона III быть пока сдержанным в политике внешней. К решению итальянского вопроса, который с его согласия был поставлен Кавуром⁶⁸ на Парижском конгрессе во всей возможной для момента полноте, пока, очевидно, приступить было еще невозможно, и когда в Сардинии после Парижского конгресса стали чувствоваться признаки сильного национального возбуждения, из Парижа последовало соответственное внушение, и в Турине все сразу успокоилось [82]. А раз итальянский вопрос откладывался, то необходимость поддержки России переставала для данного момента быть такой острой, и естественно отсрочивалось и решение трудной для Наполеона III альтернативы: Англия или Россия? Можно было продолжать «нравиться России, но так, чтобы не терять расположения Англии» и в беседах с представителями России говорить о необходимости соглашения Франции с Англией и Россией «для обеспечения великих интересов Европы» и о желательности заключения между этими державами постоянного союза [83]. В соответственном духе инструкцию получил и Морни, назначенный французским послом в Россию. При том ему ее только было поручено наряду с основной задачей – сближением между Францией и Россией – заботиться еще о подготовке тройственного союза между Англией, Францией и Россией, но и даны сверху того специальные указания по польскому вопросу, так как вследствие полного устранения вопроса о Польше из официальной программы конгресса у Наполеона III все же осталось неудовлетворенное чувство, и он стремился загладить свою вину пред поляками при помощи «дружеского воздействия» на русское правительство. Что такое «дружеское воздействие» не представит пока сколько-нибудь серьезных затруднений для России, пока-

⁶⁸ Камилло Бенсо ди Кавур (1810 – 1861 гг.) – премьер-министр Сардинского королевства, сыгравший исключительную роль в объединении Италии под властью сардинского монарха.

зывало поведение Наполеона III в связи с опубликованной Александром II 15 (27) мая амнистией в Варшаве. Эта амнистия, представлявшая собой осуществление обещаний, данных от имени Александра II Орловым, была далеко неполной и содержала многочисленные исключения, чем естественно вызывала сильное раздражение в кругах польской эмиграции в Париже. Непримириемые эмигранты собрались у Адама Чарторыйского⁶⁹ для составления протеста. Но Наполеон III оказал на Чарторыйского соответствующее давление. Чарторыйский тогда отказался дать свою подпись под протестом, и протест вообще появился в печати без подписей [84].

Дружба с Россией, таким образом, должна была принести Франции практические результаты только в более или менее отдаленном будущем, и результаты эти, очевидно, должны были быть тем ощутительнее, чем теснее были бы ко времени их получения дружеские связи между обеими сторонами. Сообразно с этим оба правительства усиленно старались культивировать зародившуюся дружбу. Выбор Наполеоном III Морни, человека исключительно к нему близкого, который считался, вдобавок, главой «русской партии» при французском дворе и между прочим подчеркивал, что именно его советы помешали Наполеону III во время войны образовать польский легион [85] и назначение его не посланником, а сразу послом (послов Франция до Парижского мира имела только в одном Лондоне) достаточно доказывали, какое значение он придавал своим отношениям к России. Русское правительство, которое еще раньше временно поручило представительство своих интересов во Франции Бруннову, несколько замедлило с ответом на этот новый акт предупредительности со стороны Франции, что заставило Наполеона III нервничать, но когда стало, наконец, известно, что на пост русского посла во Франции один из важнейших сановников тогдашней России, граф П.Д.Киселев,⁷⁰ французский двор получил полное удовлетворение [86]. Одновременно с восстановлением нормальных дипломатических отношений оба государя обменивались друг с другом письмами, теплота тона которых становилась все сильнее [87], ор-

⁶⁹ Чарторыйский Адам (1870 – 1861 гг.) входил в ближайшее окружение императора Александра I, член «Негласного комитета», министр иностранных дел России (1804 – 1806 гг.). После Польского восстания стал (1830 г.) председателем Временного правительства Польши. После подавления восстания эмигрировал и обосновался в Париже, поддерживая антирусские начинания стран Западной Европы. Во время Крымской войны содействовал организации в Турции польских военных частей. Парижский мир разбил его надежды на независимость Польши.

⁷⁰ Киселев Николай Дмитриевич (1800 – 1869 гг.) – дипломат. С 1844 по 1854 г. был сначала посланником, а затем полномочным послом в Париже. В 1856 – 1864 гг. он был послом при папском дворе, а с 1864 г. и до самой смерти – при короле Италии.

денами и всякими вообще знаками внимания. Морни приехал в Петербург 6 августа и немедленно сделался объектом самого предупредительного внимания со стороны Александра II, всей царской фамилии и всего русского аристократического общества, которое старалось щеголять теперь своим франкофильством [88]. Такое положение не могло не льстить Морни, а чрез его посредство и французскому правительству, особенно при воспоминании о той жалкой роли, которую обычно играли при русском дворе французские уполномоченные в эпоху Николая I. Чрез два месяца после своего приезда Морни уже мог хвалиться в своих письмах, что он внушает Александру II и Горчакову «абсолютное доверие», и что он приобрел на них большое влияние, которое при подходящем случае может использовать в интересах Франции. Горчаков дошел с ним, по его словам, до такой степени доверия, что показывал ему все дипломатические документы, и вообще они обращались друг с другом не как посол с министром, а как «близкие друзья» [89]. Что Морни во всем этом ничуть не преувеличивал своего положения в России, доказывают совершенно тождественные сведения из русского лагеря. В своих письмах к Бруннову Горчаков также говорил, что Морни «осыпан милостями императора и императорской фамилии и сделался баловнем всего русского общества», что он очень мил и любезен, что некоторые свои депеши в Париж он составляет в кабинете Горчакова и при его непосредственном участии, что «в личных отношениях он не оставляет желать ничего лучшего», и что «интимность отношений и откровенных излияний» между ним и Горчаковым все время «идет crescendo»⁷¹ [90]. В свою очередь и Александр II в одном из своих писем к Наполеону III, подтверждая, что Морни «сумел внушить ему доверие», благодарил Наполеона за такой удачный выбор посла [91].

У самого Александра II, впрочем, оставалась значительная доля недоверчивости по отношению к тому, кого при русском дворе втихомолку продолжали называть «высочкой» (*raguenu*). В одном из своих писем Фридриху-Вильгельму IV, например, он, признавая услуги, которые Наполеон III оказывал России, и, говоря о своем искреннем желании «укрепить с ним хорошие отношения», в то же время категорически заявлял, что «никогда не позволит себе поддаться его очарованию» и отнюдь не станет «следовать всем прихотям, которые могли бы зародиться в его склонном к приключениям уме» (*serueau aventureux*) [92]. И несколько позже, когда после одного из новых актов внимания со стороны Наполеона III, Горчаков предложил ему поблагодарить Наполеона III собственноручным письмом,

⁷¹ «Идти crescendo» – увеличиваться, возрастать.

Александр II наложил на его докладе характерную резолюцию: «Собственно ручным, нет, это – слишком!» [93]. Но Александр II далеко не был «своим собственным министром иностранных дел», как любил себя называть Николай I. Поэтому главную роль в руководстве русской внешней политикой играл не он, а Горчаков, любивший подчеркивать пред иностранными дипломатами относительную самостоятельность своего положения и неоднократно заявлявший, что только полное согласие его личных взглядов со взглядами императора побудило его принять пост министра иностранных дел [94].

Политическая программа Горчакова сложилась под непосредственным впечатлением Крымской войны. Своей основной задачей он считал уничтожение ее невыгодных результатов, и восточный вопрос сделался не только доминирующей, а, пожалуй, и единственной идеей его деятельности. Он прямо говорил, что «ищет человека, который помог бы ему уничтожить параграфы Парижского трактата, касающиеся черноморского флота и границы Бессарабии, что он еще ищет и найдет!» [95].

В 1856 г. таким человеком мог быть, конечно, только Наполеон III. И если для Наполеона III русская дружба, как мы видели, нужна была только в более или менее отдаленном будущем, то Горчаков, наоборот не собирался долго ждать и стремился использовать для своей цели зарождавшееся сближение с Францией, как можно скорее. На этом соображении и были построены его ближайшие планы, изложенные им в инструкциях дипломатическим представителям России за границей. Горчаков сознавал, что новое положение России после Крымской войны и Парижского конгресса заставляет ее сильно изменить свою политику по отношению к Турции и заботиться больше о «защите материальных интересов России» и о «восстановлении и развитии торговых сношений юга России», чем об активном вмешательстве во внутренние дела Турции. Но, во-первых, он вовсе не собирался отказываться при этом от традиционного для России покровительства православному населению Турецкой империи. Необычная широта, с которой турецкое правительство фирманом 1856 г. обещало удовлетворить требования христиан, возбуждала большие сомнения в его искренности и заставляла с напряженным вниманием следить за выполнением данных обещаний. А во-вторых, Горчаков оставался верен исконному взгляду русской дипломатии на «неизлечимую болезнь Турции» и хранил твердое убеждение, что «вопреки усилиям европейской дипломатии может пробить последний час Оттоманской империи», и что застигнута Россия не должна быть врасплох этим событием.

В связи с этим он так определял основную задачу русской внешней политики: «Восстановить на Востоке положение, которого требуют наши

интересы, и в решительный момент быть уверенным в получении той доли, которая нам подобает, вот смысл нашей национальной политики. Принимая во внимание это соображение, мы можем считать все другие соображения второстепенными».

Главными противниками России на Востоке были Австрия и Англия. Чтобы ослабить первую из них, Горчаков согласился, в противоположность прежней политике России, неизменно покровительствовавшей Австрии, теперь «поддерживать стремление прусского правительства играть в Германии первую роль» и даже допускал мысль о некотором объединении «агломерата» германских государств вокруг Пруссии при условии, конечно, сохранения ими «независимости и неприкосновенности». Труднее был вопрос об отношении к Англии, и здесь более, чем где-либо, России нужна была помощь Франции, с которой вдобавок можно было и вообще договориться о совместной деятельности на Востоке.

Франции, очевидно, за это надо было обещать определенные выгоды. И Горчаков, довольно точно предусматривая не только этапы будущей политики Наполеона III, но и самый момент возобновления им активной политики (через 2 года!), выражал готовность идти ей навстречу. Если Наполеон устремит свое внимание на Италию, то Горчаков заранее соглашался на присоединение Савойи и Ниццы к Франции и Ломбардии к Сардинии, обещая, что Россия на этот раз не окажет Австрии ни «моральной поддержки», ни «материальной помощи». Если же Наполеон сосредоточит свои вождения на левом берегу Рейна, то Россия, конечно, не может вовсе оставить Пруссию без поддержки, но в этой поддержке не должна идти дальше дипломатического предложения «добрых услуг» и стремиться не скомпрометировать чрезмерным усердием в пользу Пруссии своей зарождавшейся дружбы с Францией.

Навстречу Наполеону III готов был идти Горчаков и в польском вопросе, продолжая дальше дело, начатое Орловым во время Парижского конгресса. Как бы предвидя события 1863 г., он ясно отдавал себе отчет в опасности «подробных объяснений о состоянии Царства Польского и о будущих намерениях правительства», так как французское правительство могло официально «принять к сведению» (*prendrait acte*) эти объяснения и впоследствии использовать их против России, как принятые по соглашению с Францией «более или менее точные обязательства». Но пока международное положение России было не из таких, чтобы можно было уклоняться от обсуждения польского вопроса с французским правительством без вреда для отношений между обеими державами, и Горчаков старался указать линию, по которой в этой области можно было идти с наименьшим для достоинства России ущербом. Сюда должны были относиться, с одной

стороны, указания на амнистию и другие льготы и послабления, сделанные полякам, а, с другой стороны, доказательства того, что, несмотря на уничтожение конституции 1815 г., Польша продолжает быть юридически отдельным государством, и что Органический статут 1832 г.⁷² сохраняет национальное бытие Царства Польского с отдельным от России управлением и судом.

Наконец, несмотря на то, что в его глазах одна Англия была страной «материального расчета», Горчаков не забывал и о материальных интересах французской торговой и промышленной буржуазии. В связи с наметившимся в русских правительственных кругах поворотом в торговой политике от крайностей протекционизма в сторону фритредерства он указывал на готовность русского правительства и в этом отношении проявить свою предупредительность к Франции и обещал, что в будущих переговорах об облегчении торговых сношений между обеими сторонами будут подвергнуты «зрелому» обсуждению «сложные положительные интересы и условия прежних трактатов», и что при обсуждении будет проявлено «искреннее желание примирить интересы обеих сторон». Такими были главные уступки, намечавшиеся Горчаковым для удовлетворения интересов Франции. Но все эти уступки со стороны России могли оказаться реально полезными для интересов самой России только в том случае, если бы параллельно с вытекавшим из них сближением между Францией и Россией развивалось расхождение между Францией и Англией. Отсюда вытекала в глазах Горчакова последняя задача русской политики – «посвятить все усилия, чтобы ослабить связи, которые в данную минуту соединяют Англию и Францию» и с этой целью стараться использовать в русских интересах все те случаи, когда обнаружатся разногласия между «моральными и материальными стремлениями» (*convaitises*) французского и английского правительств.

Таким образом, тогда как в глазах Александра II сближение с Францией было лишь дополнительным актом к двойственному союзу между Россией и Пруссией, актом, в котором он даже считал необходимым оправдываться пред Фридрихом Вильгельмом IV, для Горчакова это сближение являлось очередной и главной задачей русской политики, задачей, настолько существенной, что для нее можно было даже в крайнем случае несколько посту-

⁷² Царство Польское, образованное в составе Российской империи, в 1815 – 1830 гг. управлялось согласно статьям Конституции, дарованной российским императором Александром I. После подавления Польского восстания 1830 – 1831 гг. Николай I ввел новый порядок управления Царства Польского, закрепленный в статьях Органического статута 1832 г.

питься традиционной дружбой с Пруссией. И это сближение должно было, как мы видели, идти одинаково и по линии политических, и по линии экономических интересов.

Между обеими державами-победительницами немедленно после открытия Парижского конгресса началось экономическое соперничество из-за захвата в свои руки русского рынка, который должен был теперь открыться для иностранных капиталов, Англия первая постаралась использовать открывшиеся пред нею возможности для расширения своей внешней торговли. Кларендон исходил так же, как Стратфорд де Редклифф, из убеждения, что распространение английской торговли тождественно с распространением цивилизации, и еще до начала конгресса говорил Бруннову, что в основе английского интереса к судьбе «черкесов» лежит, между прочим, желание приобрести на Кавказе торговые льготы и этим способствовать «развитию элементов цивилизации среди остающихся до сих пор дикими племенами». Заботясь вообще о скорейшем восстановлении торговых сношений с Россией, Кларендон предлагал до заключения новых договоров между воевавшими государствами установить взаимно принцип наибольшего благоприятствования, настаивал на скорейшей отмене запрещения вывозить хлеб из русских портов, передал, наконец, Орлову специальный мемуар, в котором ходатайствовал об уравнивании в России в правах английских купцов с русскими [96].

Русское правительство, однако, не проявляло большой отзывчивости к английским пожеланиям. Взамен предоставления права наибольшего благоприятствования русские уполномоченные на конгрессе настояли на временном восстановлении прежних торговых договоров, а отмена запрещения вывоза хлеба была произведена только под давлением союзной блокады, которую в противном случае западные державы отказывались снять до окончательного подписания мира [97]. И, тем не менее, когда после заключения мира в мае 1856 г. Бруннов приехал с временной миссией в Англию, он был поражен, как быстро сравнительно примирилось английское общественное мнение с недостаточно удачным с точки зрения английских интересов исходом войны, с какой быстротой английские торговые и промышленные круги принимали необходимые меры для восстановления торговых сношений с Россией. Даже сам Пальмерстон высказывался в этом вопросе в благоприятном для России направлении. Владельцы каменноугольных копей и судостроительных заводов начали хлопотать о получении соответственных заказов от русского морского ведомства, а банкирские дома – о получении в России железнодорожных концессий [98].

Железнодорожный вопрос, представлявший для России особенную важность, скоро сделался главным узлом всех переговоров в экономиче-

ской области и послужил источником соперничества между Англией и Францией. Если Англия первая начала заботиться о восстановлении своей торговли с Россией, то в железнодорожном деле англичан успели опередить французские капиталисты, и представители *Crédit mobilier*, к которым примкнули английский торговый дом Беринга и амстердамский дом Гоппе, вступили в переговоры с русским агентом Штиглицем, как мы уже указывали выше, чуть не с самого начала заседаний Парижского конгресса. Но английский капитал не собирался уступать русский рынок без боя или соглашаться занять на нем второстепенную роль. Уже в начале апреля, т.е. немедленно после подписания мира, к Бруннову явились делегаты от общества английских капиталистов и директоров железнодорожных компаний, во главе которого стояли Пакстон и Лонг. Они предлагали начать переговоры о сооружении железных дорог на самых льготных условиях и указывали, что постройка при содействии французских предпринимателей обойдется для России дороже, так как во Франции нет достаточного количества свободных капиталов, и французские капиталисты все равно должны будут обратиться за содействием к англичанам, так что России только придется уплачивать лишние проценты. Наконец, третьим конкурентом на русские железные дороги выступила компания германско-бельгийских предпринимателей с *Оппенгеймом*⁷³ во главе [99].

Компания, сгруппировавшаяся вокруг *Crédit mobilier*, опять поспешила опередить своих конкурентов, и Перейр первый представил в Петербург обстоятельную докладную записку об условиях, на которых французские капиталисты соглашались принять участие в русском железнодорожном строительстве. Они добивались гарантии процентов на акции со стороны русского правительства, заключения соответственного займа во Франции и предоставления Компании участия и эксплуатации будущих железных дорог наравне с государством [100]. Связи, установившиеся между русскими уполномоченными в Париже и обществом *Crédit mobilier* через посредство Морни оказались настолько сильны, что английские капиталисты решили, чтобы добиться успеха, обратиться к содействию того банкирского дома, который считался главным устоем английского денежного рынка, и для ослабления влияния которого во Франции Наполеон III специально создал общество *Crédit mobilier* дома знаменитых Ротшильдов.⁷⁴ По-

⁷³ *Оппенгеймы* – европейская финансовая династия, имеющая в своем составе банкиров, предпринимателей, политиков, ученых и меценатов.

⁷⁴ *Ротшильды* – семья банкиров. Основатель банкирского дома – Майер Аншел Ротшильд (1744–1812 гг.), сыновья которого превратили семью в могущественный финансовый клан.

видимому, и в Петербурге заинтересованные ведомства (министерство финансов и ведомство путей сообщения) не разделяли чрезмерного увлечения обществом *Crédit mobilier* со стороны русских уполномоченных в Париже и не вполне доверяли его надежности и устойчивости, а потому были не прочь, чтобы наряду с *Crédit mobilier* претендентом на русские железнодорожные концессии выступил Ротшильд [101]. Парижский представитель дома Ротшильдов, Джеймс Ротшильд проявлял, однако, сильные колебания. Он и сгруппировавшиеся вокруг него английские и французские капиталисты находили, что помимо иностранных капиталов к постройке надо непременно привлечь и русские капиталы, что постройка железных дорог в России обойдется гораздо дороже, чем обыкновенно думают, что все предприятие будет выгодно только в том случае, если ограничатся сооружением линий Москва – Саратов и Москва – Нижний Новгород и вдобавок соединят эти линии в одно предприятие вместе с линией Москва – Петербург, что, наконец, в данный момент кредитные учреждения переживают кризис, и достать деньги не легко [102]. В конце концов, все-таки Ротшильд начал сдаваться и, узнав, что *Crédit mobilier* уже отправил своих представителей в Петербург для окончательных переговоров с русским правительством, в свою очередь стал готовиться к посылке своих уполномоченных в Россию [103].

Все эти переговоры шли в течение августа и первой половины сентября 1856 г. Но раньше, чем они пришли к окончательному результату, у Ротшильда и английских капиталистов появился в России новый, более могущественный противник в виде Морни. Морни, который издавна был тесно связан с обществом *Crédit mobilier*, который только что потерял вследствие неудачной спекуляции на парижской бирже 3 миллиона, и который, видя в России «рудник для французской эксплуатации» (*une mine a exploiter pour la France*) жаждал, конечно, использовать приобретенное им в России политическое влияние в интересах своей банковской компании [104]. Комбинация с Ротшильдом оказалась сразу снятой со счетов, и на поле сражения из-за русских железнодорожных концессий остались только два соперника – *Crédit mobilier* и Оппенгейм и К^о [105]. Сначала шансы Оппенгейма, заручившегося согласием прусского правительства, стояли высоко, и прусский посланник в Петербурге Вертер⁷⁵ уже телеграфировал Мантейфелю⁷⁶ о согласии русского правительства дать Оппенгейму концессию на линию

⁷⁵ Карл Вертер (1809 – 1894 гг.) – барон, прусский дипломат, был посланником в Петербурге (1854 – 1859 гг.).

⁷⁶ Отто Теодор фон Мантейфель (1805 – 1882 гг.) – министр-президент Пруссии (1850 – 1858 гг.), принимал участие в Парижском конгрессе.

Москва – Нижний [106]. Но приезд представителей *Crédit mobilier* и поддержка, оказанная им Морни, изменили положение, и в дело вмешался сам Горчаков. Он представил Александру II доклад, в котором защищал французских капиталистов от возражений со стороны русского ведомства путей сообщения, доказывал невозможность получить при наличии современного кризиса более выгодные для России условия и настаивал на необходимости скорее покончить с решением вопроса [107]. Выступление Горчакова оказалось решающим, и через 4 дня после его доклада 11 (23) октября комитет министров под председательством самого Александра II постановил принять предложения Штиглица, Перейра, Гоппе и Беринга. Согласно этому постановлению образуемая ими компания обязывалась в 10-летний срок соорудить сеть в 4000 верст, охватывающую линии Петербург – Варшава, Москва – Феодосия, Курск (или Орел) – Ливава и Москва – Нижний. Она получала на эти дороги концессию на 85 лет, и правительство даровало ей 5 %-ную гарантию на капитал, который компания должна была истратить на сооружение [108]. Таким образом, французский капитал в лице *Crédit mobilier* одержал блестящую победу над своими английскими и германскими конкурентами. Не менее крупными успехами французские капиталисты могли похвастаться и в других областях. Стоявший во главе морского министерства в России вел. кн. Константин Николаевич⁷⁷ отдал все заказы по своему ведомству французским фирмам, а Морни поспешил начать успешные переговоры о понижении ставок русского таможенного тарифа, что сулило в ближайшем будущем значительное расширение сбыта предметов французского экспорта на русском рынке [109] и внушало беспокойство не только «враждебной» Англии, но и «дружественной», Пруссии [110].

IV

Предпочтение, оказанное русским правительством Франции в конкуренции французских и английских капиталистов, было одним из ответов Горчакова на попытки Морни заговаривать о тройственном союзе и одной из мер для увеличения разногласия между обеими крымскими союзницами.

⁷⁷ Великий князь Константин Николаевич (1827 – 1892 гг.) – сын императора Николая I и Александры Федоровны, генерал-адмирал. В 1853 г. вступил в управление морским министерством. Во время Крымской войны принимал участие в защите Кронштадта. С 1855 г. – адмирал, управляющий флотом и морским ведомством на правах министра.

Поэтому кабинет Пальмерстона скоро разочаровался в сделанных им России скромных авансах и снова занял по отношению к ней недоверчивое и враждебное положение. Поводом к этому послужил ряд инцидентов в связи с выполнением условий Парижского трактата. Во-первых, вопреки договору, русские военные власти, прежде чем эвакуировать Карс, взорвали его укрепления так же, как и укрепления двух бессарабских крепостей, Измаила и Рени. Во-вторых, воспользовавшись тем, что в трактате не было никакого упоминания о небольшом островке на востоке от устьев Дуная Змеином,⁷⁸ русские власти сделали попытку восстановить на нем маяк. В-третьих, наконец, когда уполномоченные держав съехались в Бессарабию для того, чтобы окончательно установить новую границу, которая согласно договору должна была пройти на юг от г. Болграда, бывшего центром болгарских колоний, в Бессарабию, то обнаружилось, что там существует два Болграда: один, стоящий на берегу оз. Ялпук и находящийся несколько южнее проектировавшейся пограничной линии, и другой, расположенный на севере от этой линии.⁷⁹ Русские делегаты доказывали, что трактат подразумевал южный Болград, так как именно этот городок был главным центром болгарских поселенцев. Но озеро Ялпук, на котором стоял Болград, непосредственно сообщался с нижним течением Дуная, и, следовательно, сохранение южного Болграда за Россией лишало смысла изменение русской границы в Бессарабии, так как все его значение в глазах Австрии и Англии состояло именно в том, что Россия теряла возможность непосредственного сообщения с устьями Дуная. Поэтому делегаты Англии, Австрии и Турции настаивали на передаче южного Болграда Молдавии и проведении границы на север от него. Известия обо всех этих инцидентах вызвали настолько сильное раздражение в английских правительственных кругах, что в первую минуту Англия хотела даже уклониться от посылки своего представителя на предстоящую коронацию Александра II. Во всяком случае, кабинет Пальмерстона обвинял Россию в открытом нарушении Парижского трактата в первых двух случаях и в сознательном обмане в третьем,

⁷⁸ После Русско-турецкой войны 1828-1829 гг. остров отошел Российской империи, а после поражения России в Крымской войне он стал владением Румынии.

⁷⁹ Озеро Ялпук (Ялпук) – пресноводное лиманное озеро в Одесской области современной Украины. На северном берегу озера, при впадении реки Ялпук, находится г. Болград. Основание Болграда связано с переселением татар в начале XIX в., которые искали убежища от турецкого гнета. По условиям Парижского мира Болград отошел Молдавии. Обещание сохранить привилегии и права, полученные болгарями от России, были нарушены. Болград станет одним из центров Бессарабии в борьбе с турецким засильем.

уверяя, что на Парижском конгрессе русские уполномоченные нарочно представили неточные карты, чтобы сохранить за Россией выход к Дунаю. Это последнее обвинение, по-видимому, не лишено было некоторого основания. По крайней мере, Бруннов признавался в одной из своих депеш к Горчакову, что они знали о нахождении Болграда на юге от проектировавшейся пограничной линии [111].

Горчаков поспешил представить объяснения по первому пункту, уверяя, что работы по взрыву укреплений Карса были начаты еще во время военных действий, так как укрепления эти были слишком обширны для оперировавшей там русской армии, и что извещение об отмене соответственного распоряжения было послано немедленно по заключении мира, но запоздало вследствие таяния снегов Казбека и распутицы [112]. Он выражал свои сожаления по этому поводу, но в вопросах о Змеином острове и Болграде признавал полную правоту русского правительства и отказывался от каких бы то ни было уступок. Тогда по распоряжению английского правительства в Черное море вступили 4 английские военные судна для того, чтобы принудить Россию очистить Змеиный остров, а английский посланник в Петербурге Вудгауз⁸⁰ предъявил Горчакову одну за другой две ноты с формальными жалобами на нарушение трактата. Это наступление на Россию сопровождалось со стороны Англии одновременным наступлением на находившуюся под влиянием России Персию, с которой англичане уже раньше вели переговоры по поводу захвата персами Герата в Афганистане,⁸¹ и которой теперь предъявили в ультимативной форме ряд требований, содержащих помимо очищения Герата предоставление Англии права наибольшего благоприятствования. Со своей стороны Австрия поспешила воспользоваться происшедшим конфликтом для того, чтобы до решения опорных вопросов задержать эвакуацию Дунайских княжеств [113].

Правительство Наполеона III очутилась в затруднительном положении. Оно признавало за Россией вину во взрыве укреплений Карса (вопрос об

⁸⁰ Под именем лорда Вудгауза (Wodehouse) служил британским послом в Петербурге (1856 – 1858 гг.) Джон Кимберли (1826 – 1902 гг.), английский государственный деятель, участник всех кабинетов Гладстона.

⁸¹ Герат – город-крепость на территории Афганистана. Благодаря географическому положению, Герат называли «ключом от индийских ворот». Борьба между Персией и Афганистаном за Герат началась в середине XVIII в. Осада Герата персами в 1837 – 1838 гг. стала одним из предлогов вторжения Великобритании в Афганистан («защита Герата»). Осада Герата была снята под угрозой Великобритании начать войну против Персии. В 1856 г. персы вновь хотели овладеть Гератом, но были остановлены. А с 1863 г. Герат стал провинцией Афганистана.

Измаиле и Рени не имел серьезного значения, так как это были прежде русские крепости, и о них вовсе не упоминалось в тексте мирного договора), но, во-первых, вполне удовлетворилось представленными объяснениями, а, во-вторых, считало, что в других вопросах, т.е. в вопросах о Змеином острове и о Болграде право на стороне России. По словам Бруннова, Валевский сразу согласился с русской точкой зрения [114], а представленный Брунновым по вопросу о Болграде мемуар заслужил полное одобрение Наполеона III [115]. Но Наполеон III не мог и не желал сразу резко расходиться с Англией. Морни выступил поэтому в Петербурге посредником. С одной стороны он отговорил Горчакова от формального протеста по поводу поведения Англии [116], а с другой тщетно убеждал Вудгауза не предъявлять присланных ему нот. Горчаков, конечно, поспешил воспользоваться обнаружившимся таким образом между Францией и Англией разногласием и предложил передать все опорные вопросы на решение конференции держав, участвовавших в Парижском конгрессе. Но Пальмерстон не хотел и слышать о конференции и говорил только о мерах принуждения по отношению к России. Австрия со своей стороны выступила с проектом решить спорные вопросы путем соглашения между Францией, Англией и Австрией на основании договора 15 апреля 1856 г. об охране неприкосновенности Турции, т.е. другими словами восстановить коалицию против России. Так далеко идти по пути уступок Англии и Австрии французское правительство тоже не могло, и Валевский ответил решительным отказом [117]. Вопрос о праве обладания Болградом мало-по-малу сделался общеевропейским вопросом, и между державами начались длительные переговоры, во время которых Франция в угоду России настаивала на скорейшем созыве конференции и искренно искала приемлемого для обеих сторон компромисса, а Пальмерстон, наоборот, добивался полной капитуляции со стороны России и всячески противился созыву международной конференции, так как опасался, что на конференции Англия, Австрия и Турция останутся в меньшинстве против соединенных голосов Франции, России, Пруссии и Сардинии [118]. Сущность спора из-за совершенно ничтожного по своему значению вопроса о том России ли или Молдавии будет принадлежать Болград, на практике стада сводиться к борьбе за французский союз между Англией и Россией. Английское правительство чувствовало, что связи, соединявшие его с Францией, начали расшатываться, и всеми силами старалось удержать ее в рамках Крымского союза и комбинации 15 апреля. Горчаков, наоборот, стремился воспользоваться расхождением между английской и французской политикой, чтобы вбить между Англией и Францией, по выражению Коулея, клин (a wedge). Официально, конечно, он говорил Морни, что искренно заботится не только о дружбе с Францией, но

и о хороших отношениях с Англией, но в переписке с русскими представителями в Париже не скрывал истинных мотивов своего сопротивления по спорным вопросам. Он прямо признавался, что действительные интересы России вовсе не задеты, и что дело идет только о том, чтобы лишить Англию присвоенного ею монопольного права решать по своему усмотрению международные вопросы и положить конец нарушениям мирового трактата со стороны Англии и Австрии, а главное проверить на практике силу всех обещаний Наполеона III, для чего вопрос о Болграде должен послужить "пробным камнем" (pierre de touche). На самом созыве конференции он настаивал не столько потому, что рассчитывал на выгодное для России решение, сколько для того, чтобы заставить Францию публично высказаться в пользу России и скомпрометировать ее пред Англией [119].

Сильные разногласия, возникшие между Францией и Англией по поводу спорных пунктов Парижского трактата, осложнялись расхождением их интересов в целом ряде других вопросов. Мы упоминали уже о сильном раздражении, которое вызвало в Англии получение Лессепсом концессии на сооружение Суэцкого канала. Вскоре после окончания Парижского конгресса обнаружилось, вдобавок, резкое расхождение в политике обеих крымских союзниц по отношению к Дунайским княжествам. Мы видели, какие экономические и политические мотивы побуждали Наполеона III добиваться слияния Молдавии и Валахии в единое государство. На Парижском конгрессе Валевский добился в этом вопросе поддержки Кларендона. Но если Кларендон и даже Пальмерстон готовы были пойти на объединение, противником объединения сразу выступил «великий посол» Стратфорд де Редклифф и под его влиянием отношение английского правительства к румынскому вопросу быстро изменилось. Французский посланник в Константинополе Тувенель,⁸² бывший вообще сторонником английского союза и не сочувствовавший сближению с Россией, уже в июле 1856 г. принужден был жаловаться, что Стратфорд умышленно не поддерживает его в ходатайствах в пользу объединения княжеств, а несколько позже прямо заявлял, что англо-французскому союзу в Константинополе грозит серьезная опасность, если останется на своем посту человек, «деятельность которого началась и затем развилась в период антагонизма между обеими странами» [120]. В противодействии планам Франции Стратфорду оказывал самую деятельную поддержку его австрийский коллега Прокеш-

⁸² Эдуард-Антуан Тувенель (1818–1866 гг.) в министерстве иностранных дел Франции (с 1851 г.) вел по преимуществу дела восточные; покровительствовал соединению дунайских княжеств Молдавии и Валахии. В 1860 г. занял место Валевского пост министра иностранных дел.

Остен.⁸³ Объединение Молдавии и Валахии в единую Румынию представляло, по мнению Прокеш-Остена, громадную опасность для Австрии, так как объединенная Румыния неизбежно попала бы под влияние России и при ее содействии стала бы добиваться отторжения от Австрии областей, населенных румынами, - Буковины и Трансильвании [121]. С другой стороны, австрийские капиталисты, как мы уже указывали выше, еще со времени Крымской войны поместили Дунайские княжества в качестве объекта своей эксплуатации. Они монополизировали в своих руках речное судоходство по Дунаю и его притокам и, отнюдь не желая допускать французскую конкуренцию, добились, между прочим, уничтожения привилегии, выданной одной французской компании на пароходство по р. Серету. В то же время австрийское правительство всячески откладывало эвакуацию княжеств [122]. Найдя себе поддержку в Англии и Австрии, Порта стала задерживать созыв в Молдавии и Валахии диванов, предписанный текстом Парижского трактата, а затем, когда в сентябре ей пришлось все-таки издать по этому поводу особый фирман, то она включила в фирман специальное запрещение обсуждать вопрос об объединении княжеств [123].

Такое противодействие интересам и планам Франции со стороны ее прежних союзниц делало для нее необходимой поддержку России. Уже в начале июля Наполеон III, как бы забыв о своих прежних попытках вовсе устранить Россию от участия в восточном вопросе, делал в этом направлении прозрачные намеки и заговаривал о желательности скорейшего назначения русского посланника в Константинополь [124]. Горчаков сознавал, что в данном случае Франция совершенно не может обойтись без русской помощи, и потому старался продать свою поддержку возможно дороже. Недаром он и раньше говорил, что в вопросах практической помощи Франции позиция России должна оставаться «некоторой загадкой, решение которой он (Наполеон III) предполагал бы для себя благоприятным, но не чувствовал бы однако в этом полной уверенности» [125]. Поэтому, согласно его инструкциям, русские уполномоченные в Константинополе и Бухаресте Бутенев⁸⁴ и Базили⁸⁵ пошли дальше общих заявлений о желательности объединения княжеств проявляли крайнюю сдержанность во всех дру-

⁸³ Антон фон Прокеш-Остен (1795 – 1876 гг.) – австрийский дипломат, был послом в Константинополе (1855 – 1871 гг.).

⁸⁴ Бутенев Аполлинарий Петрович (1787–1866 гг.) – видный российский дипломат, по свидетельству современников, отличался безукоризненной честностью, бескорыстием и скромностью. В 1856–1858 гг., будучи посланником в Турции, с успехом восстановил отношения между Россией и Турцией.

⁸⁵ Базили Константин Михайлович (1809–1884 гг.) – российский востоковед и дипломат, в 1856 г. был на Парижском конгрессе при князе Орлове.

гих вопросах и выказывали энергию только в одной области – заботе о дальнейшем углублении противоречий между Францией с одной стороны и Англией и Австрией с другой [126].

Обнаружившуюся большую ценность русской поддержки в румынском вопросе Горчаков пытался использовать и в других вопросах, в которых после прежней солидарности стали наблюдаться разногласия между Англией и Францией, в вопросах греческом и неаполитанском. Крымская война вызвала в Греции сильное национальное движение. Пальмерстон, имевший с греческим правительством старые счеты со времени известного инцидента с купцом Пасифико,⁸⁶ постарался предотвратить возможность присоединения Греции к России, и англо-французский десант оккупировал Пирей под предлогом царящей в Греции анархии.⁸⁷ Эта оккупация согласно планам Пальмерстона должна была привести затем к низложению короля Оттона⁸⁸ и к замене его на греческом престоле более подходящим для Англии лицом [127]. На Парижском конгрессе в связи с австрийской оккупацией в Италии невольно пришлось заговорить и о англо-французской оккупации в Греции и дать обещание эвакуировать Грецию, как только в ней установится прочный порядок [128]. Но вскоре выяснилось, что в отношении обеих западных держав к ближайшим судьбам Греции существуют значительные разногласия. Англия настаивала на строгом соблюдении в Греции конституционного режима и на расширении в ней политической свободы и для осуществления этого готова была добиваться смены династии. Французское правительство, наоборот, находило, что при отсталости населения конституционный строй в Греции невозможен, и соглашалось

⁸⁶ В 1847 г. во время волнений в Афинах был разграблен дом гибралтарского купца дона Пасифико. Греческое правительство отказало ему в компенсации. Этим делом занялся лорд Пальмерстон. Требование соблюдения права дона Пасифико как британского подданного было подкреплено блокадой Греции британским флотом. Купец получил компенсацию, а лорд Пальмерстон, выступая в палате общин, заявил, что британский подданный должен чувствовать за собой свое правительство, защищающего его интересы.

⁸⁷ Во время Крымской войны греческие повстанцы заняли входившие в Османскую империю Фессалию и Эпир, где проживало много греков. Франция и Великобритания усмотрели в этом угрозу стабильности на Балканах и в мае 1854 г. взяли под контроль порт Пирей, сделав невозможным вступление Греции в войну на стороне России.

⁸⁸ Оттон I (принц Фридрих-Людовик из Баварской династии Виттельсбахов) был королем Греции в 1833 – 1862 гг. Свергнутый с престола революцией 1862 г., добровольно покинул Грецию.

удовлетвориться реформами в администрации и финансах и правильной уплатой процентов по долгу Греции «державам-покровительницам». Англия не прочь была сохранить оккупацию на неопределенное время до тех пор, пока в Греции окончательно утвердится английское влияние. Франция, наоборот, стремилась скорее покончить с оккупацией и вообще развязаться с греческим вопросом. Но, чтобы достигнуть этого, ей опять нужна была помощь России [129].

Нащупав разногласие между союзницами и в этом вопросе. Горчаков немедленно поднял тон. В качестве представителя третьей «державы-покровительницы» он выступил в роли защитника прав греческого народа и короля Оттона от посягательств Англии, противился английскому плану создать в Лондоне конференцию представителей Англии, Франции и России для выработки плана греческих реформ и всячески настаивал на скорейшей эвакуации Греции. В то же самое время он рекомендовал греческому правительству держать себя по отношению к западным державам «умеренно, но с большей независимостью» и провоцировал выработку им собственного проекта уплаты греческого долга. На неоднократные просьбы Валуевского скорее начать переговоры о Греции он давал уклончивые ответы, обуславливая участие России в переговорах определением срока эвакуации, и когда счел уже достаточно подчеркнутым различие между английской и французской политикой по отношению к Греции, добился от Валуевского согласия на то, чтобы весь вопрос обсуждался не в Лондоне специальной конференцией, а в Афинах постоянно находящимися там представителями трех держав, и чтобы работа их ограничилась выработкой способа уплаты греческого долга на основе проекта, представленного самим греческим правительством, и при участии его уполномоченного [130]. Только тогда он дал, наконец, русскому уполномоченному в Греции (Персиани)⁸⁹ предписание приступить к работе вместе с уполномоченным Франции и Англии [131].

В неаполитанском вопросе Франция тоже не столько вела самостоятельную политику, сколько во имя общесоюзных интересов поддерживала Англию. В 1855 г. обе державы пытались заставить Неаполь по примеру Сардинии принять участие в войне с Россией, но давние связи неаполитанских Бурбонов с русской династией взяли верх, и пресловутый «король-бомба» Фердинанд II⁹⁰ упорно продолжал занимать по отношению к Рос-

⁸⁹ Персиани Иван Эммануилович (1790 –1888 гг.) пребывал в Греции в качестве поверенного в делах (1843 –1857 гг.).

⁹⁰ Фердинанд II (1810 – 1859 гг.) – король Обеих Сицилий. Усмирив повстанцев, подверг бомбардировке г. Мессина, за что получил прозвище «король-бомба».

сии самую дружественную позицию [132], Пальмерстон решил тогда добиваться коренного изменения правительственного режима в Неаполе, чтобы обеспечить там торжество английского влияния. Прежде всего, он намечал смену министерства, введение конституции, реформу администрации, амнистию политических преступников и возвращение эмигрантов. Для осуществления этой программы ему нужна была помощь Франции. Но у Наполеона III были совсем иные планы относительно Неаполя. В глубине души он мечтал о замене там Бурбонов Мюратами. А так как он знал, что на это Англия не пойдет ни за что, то для него совершенно не было смысла связывать себя программой Пальмерстона. К политической свободе он относился более чем равнодушно и когда, например, неаполитанский посланник заговорил о возможном восстании республиканцев. Валуевский ему прямо рекомендовал «повесить их всех без исключения». Вдобавок, деловые круги французского общества недвусмысленно высказывались против активного вмешательства Франции в неаполитанские дела, и их настроение встречало сочувствие даже среди ближайших советников Наполеона III. Поэтому Наполеон III согласился только вместе с Англией сделать неаполитанскому правительству представление об амнистии политических преступников. Фердинанд II ответил на это представление самым резким отказом и протестовал против подобного вмешательства во внутренние дела его государства. Проглотить такой ответ от короля второстепенного государства для того, кто в данную минуту считался арбитром Европы, было невозможно. Обе державы стали грозить Фердинанду II отозванием своих посланников и посылкой своих эскадр к берегам Неаполя, и Франция против своего желания оказалась запутанной в неаполитанскую авантюру, Валуевский так объяснял Бруннову этот поворот французской политики: «Когда имеешь дело с двумя такими громадными бульдогами, каковы Франция и Англия, и когда один из них протягивает тебе спину для того, чтобы его погладили, то, по меньшей мере, неблагоприятно взамен давать ему пинка ногой» [133].

Горчаков быстро разобрал, что Франция далеко не так сильно раздражена против Неаполя, как это могло показаться на первый взгляд, и что французское правительство на самом деле хочет только одного – возможно скорее с честью выпутаться из неаполитанского вопроса. На этих соображениях он и построил свою тактику. Он начал с рассылки русским дипломатическим агентам за границей особого циркуляра от 21 августа (2 сентября), который провозглашал принцип невмешательства и в довольно резких выражениях протестовал против поведения западных держав по отношению к Греции и Неаполю. Но текст циркуляра был так построен, что вся сила протеста обрушивалась на одну Англию, которой ставилось в вину

противоречие между ее традиционным уважением к свободе внутри Англии и грубыми насилниями по отношению к другим государствам [134]. Чтобы еще определеннее подчеркнуть различия, которые при этом Россия проводила между Францией и Англией, Бруннов получил предписание прочесть циркуляр Валуевскому с соответственными комментариями. Пиллюа оказалась так хорошо позолоченной, что, когда чрез месяц вследствие неосторожности русского уполномоченного в Швейцарии циркуляр этот попал в печать, достаточно было одного-двух объяснений между Брунновым и Валуевским и соответственной депеши Морни, чтобы и Валуевский, и сам Наполеон III почувствовали себя вполне удовлетворенными [135]. Одновременно с рассылкой циркуляра Горчаков, с одной стороны, всеми силами старался воздействовать на французское правительство, то призывая его к духу умеренности, то угрожая в случае отправления эскадры расколом (*scissior*) и протестом, то подчеркивая особую удовлетворенность России, когда выяснилось, что отправление эскадры отсрочено, а, с другой стороны, систематически внушал неаполитанскому правительству необходимость сделать некоторые уступки и вступить в непосредственные соглашения с Наполеоном III. «Король-бомба», однако, портил его игру, и слышать не хотел ни о каких уступках [136]. И все же Горчакову удалось добиться некоторого успеха. Правда, 10 октября 1856 г. Франция и Англия отозвали-таки своих посланников из Неаполя. Но вслед за тем Валуевский дал Бруннову категорическое заверение, что дальше сделанного шага Франция не пойдет, и что Неаполю не грозит ни отправление эскадры, ни какое-либо «материальное давление» [137]. Сделать ему такое заявление было тем легче, что Англия из страха пред возможностью реставрации в Неаполе Мюратов сама отказалась от отправления эскадры [138], но, во всяком случае, принцип невмешательства, провозглашенный циркуляром 21 августа, все же восторжествовал, и разногласия между Англией и Францией оказались достаточно подчеркнутыми.

Расстраивать согласие между Францией и Англией всюду, где только было можно, стало доминирующей целью Горчакова. Такой тактики, например, должны были держаться русские уполномоченные в Испании, Португалии и Бельгии [139]. Но там, где этой цели нельзя было достигнуть, Горчаков на первый план выдвигал угождение Франции и для этого соглашался иной раз поступаться даже исконными традициями русской политики. Яркий пример этого можно было видеть на его отношении к Черногории. В Черногории Франция пыталась уговорить князя Данило⁹¹ признать

⁹¹ Князь Данило I Петрович Негош, правитель Черногории в 1851–1860 гг. В 1856 г. на конгрессе великих держав в Париже князь предпринял дипломатические усилия

за соответственные территориальные компенсации суверенитет Турции. Защита полной независимости Черногории была одним из самых давних принципов русской внешней политики, и французский план был совершенно неприемлем для России. Но Англия не принимала никакого участия в черногорских делах, и русское вмешательство могло только вызвать раздражение во французском правительстве. Поэтому здесь Горчаков предпочитал молчать. Он до поры до времени ограничивался собиранием необходимых сведений и отлагал момент активного выступления до более благоприятного момента [140].

Параллельно с таким настойчивым и последовательным «вколачиванием клина» между Францией и Англией в России происходила систематическая обработка Морни в желательном для русской политики направлении. С самого его появления в Петербурге Горчаков стал в беседах с ним усиленно муссировать мысль о заключении формального союза между Францией и Россией и доказывать, что такой союз гораздо нужнее для Франции, чем для России. Он говорил, что Россия пока не собирается вести «политики экспансии», а потому не нуждается во внешней помощи, тогда как Наполеону III «политика экспансии» необходима, так как он должен укрепить свою династию и для этого льстить национальному самолюбию французов. И Морни, прекрасно знавший о ближайших планах Наполеона III, не мог отказать доводам Горчакова в убедительности [141]. Морни ехал в Россию с искренним желанием содействовать заключению Тройственного союза между Англией, Францией и Россией, но не прошло и месяца со времени его приезда в Петербург, как резкие выступления английского правительства по поводу спорных пунктов Парижского трактата, грандиозные перспективы, которые открывались для помещения в России французских капиталов, наконец, личные успехи в русских придворных кругах сделали его решительным сторонником прочного союза с Россией, хотя бы и ценой ущерба английским интересам. Он стал находить, что самовластная политика Англии посылающей свои суда в Черное море без предварительного уговора с Францией оскорбляет достоинство Франции, в своих донесениях в Париж горько жаловался на англичан, о чем не забывал сообщать Горчакову по секрету («как дворянин дворянину»), и всецело перешел на русскую точку зрения не только в споре из-за Болграда, но и в греческом и неаполитанском вопросах [142].

В Париже, однако, сначала еще помнили циркуляр 21 августа и находили, что одних любезных слов недостаточно, когда в целом ряде вопросов

для официального признания независимости Черногории, но поддержки не нашел.

русская политика расходится с французской. По распоряжению Наполеона III Валуевский послал даже Морни соответственную отповедь, в которой указывал, что «тесная дружба (intimite) может устанавливаться только при общности интересов и тождественности взглядов на спорные вопросы», и что, пока Россия противится французской политике то в Италии и Испании, то в Германии и Бельгии, трудно «установить желательные дружеские отношения» [143]. Но Морни эта отповедь смутила очень мало. В ответ Валуевскому он оправдывался ссылкой на то, что со времени Парижского мира Россия решительно вступила на путь более либеральной внутренней и внешней политики, и что это открывает саше широкие возможности для французского влияния [144]. Одновременно в личном письме к тому, кого он называл в переписке «своим добрым императором» (mon bon empereur), он подробно обосновывал всю пользу тесного сближения с Россией и советовал для этого принести в пользу России «некоторые жертвы» [145]. Успеху этих советов Морни благоприятствовало то обстоятельство, что с середины сентября расхождение между французской и английской политикой стало все более увеличиваться. В Париже начали внимательно относиться к указаниям, шедшим из Петербурга, и с начала октября Морни уже прямо стал обсуждать в своих донесениях шансы возможного разрыва с Англией, не встречая больше в этом направлении никакого сопротивления ни со стороны Наполеона III, ни со стороны Валуевского [146].

К середине октября резкое расхождение между английской и французской политикой в целом ряде международных вопросах, а в особенности в споре об обладании Болградом и вопросе об объединении Дунайских княжеств, уже обращало на себя всеобщее внимание [147]. При таких условиях торжество Морни и *Crédit mobilier* в деле получения русской железнодорожной концессии послужило последней каплей, переполнившей чашу терпения в Англии. Уже с начала октября Коулей⁹² осыпал Валуевского жалобами на то, что во всех спорных вопросах Франция неизменно становится на сторону России, и жалобам Коулея вторил в своих донесениях из Лондона Персиньи⁹³ [148]. Теперь Коулей поспешил заявить о категорической отказе Англии от созыва конференции по спорным вопросам и стал прямо угрожать войной в случае продолжения сопротивления со стороны

⁹² Генри Ричард Чарлз Уэлсли Каули (1804–1884 гг.) – английский дипломат, посол в Париже (1852–1867 гг.).

⁹³ Жан-Жильбер-Виктор Фиален Персиньи (1808–1872 гг.) – французский политический деятель, в 1852–1854 и 1860–1863 гг. – министр внутренних дел.

России. Начиная с августа месяца, в Босфоре англичане постепенно собрали значительные морские силы. Теперь части находившейся там эскадры был отдан приказ опять двинуться в Черное море [149].

Морни снова выступил в роли посредника и еще раз отговорил Горчакова от немедленного протеста, но не скрывал при этом своего негодования по поводу действий Англии [150]. И негодование это в значительной степени разделялось Валуевским, тем более, что Англия нанесла еще один чувствительный удар французскому самолюбию, склонив на свою сторону ту самую Сардинию, которую Наполеон III давно привык рассматривать как своего рода вассальное государство [151]. В ответ на угрозы Коулея Валуевский прямо заявил, что в случае войны с Россией Англии теперь придется воевать одной, и в газете *Constitutionnel*, считавшейся органом французского министерства иностранных дел, одна за другой появились две резкие статьи против политики Австрии и Англии на Востоке. Одновременно с этим Валуевский попытался выбить у Англии и Австрии оружие на Востоке, выдвинув против них ту самую Турцию, в защиту интересов которой якобы была направлена их политика. Турецкие государственные деятели очень тяготились англо-австрийской опекой и с нетерпением дожидались момента освобождения Босфора и Дарданелл от английского флота и эвакуации Дунайских княжеств австрийцами. Горчаков поэтому уже раньше пускал пробные шары в сторону Турции, предлагая уступить ей не только Змеиный остров, но и все острова Дунайской дельты, которые первоначально предполагалось отдать Молдавии в обмен на ее согласие на переход к России Болграда. Выгодность такой комбинации для Турции была так очевидна, что Валуевский поспешил ухватиться за план Горчакова, и Тувенелю вместе с Бутеневым было предписано сделать Порте соответствующее предложение [152]. Но когда, опираясь на это предложение, Порты действительно попыталась проявить самостоятельность и заговорить с представителями Англии и Австрии об ускорении эвакуации, то Стратфорд заявил самый решительный протест. Англия по своему понимала ту независимость Турции, которую только что так торжественно провозгласил Парижский трактат. По предписанию Пальмерстона Стратфорд в ультимативной форме потребовал от Порты отклонения сделанных ей предложений, как противоречащих достоинству Англии, и угрожал в случае отказа немедленным разрывом дипломатических отношений. В защиту английской политики отпустил все доступные ему меры воздействия и чрез несколько дней добился полной победы: сторонники Франции. Али-паша и Фуад-паша получили отставку, и великим визирем был назначен ставленник Стратфорда

Решид-паша.⁹⁴ Тувенелю оставалось только телеграфировать в Париж: «Не ждите от меня больше ничего. Порта потеряла свою свободу воли» [153]. Английское влияние в Константинополе оказалось сильнее французского. И Тувенель, который в противоположность Морни до сих пор не одобрял сближения с Россией, под непосредственным впечатлением понесения поражения в ироническом тоне писал Бенедетти⁹⁵ 10 ноября: «Да уверены ли вы, что лживые газеты не обманули нас. когда сообщили нам о падении Севастополя под совместными усилиями Франции и Англии? О! Московские вельможи напрасно шутят над слезами слишком чувствительного Морни! Они, наоборот, должны собирать их как жемчужины. Во всяком случае, мало-помалу, вот я и очутился в роли союзника Бутенева, и, вдобавок, мы вместе с ним оказались разбитыми!» [154].

Но Тувенель был прав только наполовину. Горчаков вовсе не чувствовал себя разбитым. Напротив, конфликт между Англией и Францией приводил его в восторг, и он, по словам Морни, был «на седьмом небе от того, что возникшие затруднения поневоле приведут Россию и Францию к большей степени взаимного доверия и интимности» [155]. Ведь раз оказывалось невозможным сломить упорство Англии дипломатическим путем, оставалось только одно средство мирной ликвидации конфликта – уговорить Россию отказаться от Болграда под условием соответственной территориальной компенсации [156]. Горчаков это прекрасно понимал и счел данный момент подходящим для того, чтобы нанести последний удар англо-французскому союзу и ценой уступки в вопросе о Болграде осуществить, наконец, свой план, над которым он так упорно работал с момента заключения Парижского мира. Поэтому, когда Морни согласно предписанию Валуевского заговорил о компенсации за отказ от Болграда, он воспретил теперь и со стороны Александра II, и со стороны Горчакова полную готовность и предупредительность. Горчаков от имени Александра II выразил полное согласие «передать решение всех опорных вопросов в руки самого Наполеона III» и уступить Турции Змеиный остров и дельту Дуная и Молдавии Болград «под условием компенсации, которую Наполеон III найдет справедливой» [157]. Взамен этого Горчаков просил только одного – за-

⁹⁴ Решид-паша Мустафа (1800–1858 гг.) – турецкий дипломат и государственный деятель. Будучи в 1834–1837 гг. послом в Париже и Лондоне, стал поборником европейской цивилизации.

⁹⁵ Винченцо, граф де Бенедетти (Benedetti) (1817–1900 гг.) – французский дипломат, был консулом в Египте, в Палермо, секретарем посольства в Константинополе, директором политического отдела в министерстве иностранных дел. Участвовал в Парижском конгрессе в качестве секретаря.

ключения между Францией и Россией специальной конвенции о строгом соблюдении в будущем всех статей Парижского трактата. Смысл этого невинного по форме предложения был совершенно ясен. Такая конвенция после только что происшедшего конфликта могла быть направлена только против Англии и обозначала собой не только окончательное разрушение антирусской коалиции и распадение англо-французского союза, но и неизбежное заключение вместо него союза франко-русского. В качестве соответственной приманки для Франции Горчаков обещал, что Россия окажет ей поддержку в случае расширения ее территории в Европе, намекая на возможность присоединения к Франции Савойи и Ниццы в случае войны с Австрией. Морни, давно крайне раздраженному против Англии, это предложение показалось вполне приемлемым, и вместе с Горчаковым он составил текст официальной депеши, в которой сообщал о согласии России уступить Болград и предоставить разрешение вопроса о компенсации Наполеону III, и текст тайной конвенции, заключавший три основных пункта: гарантию нейтральности Черного моря, гарантию невмешательства отдельных держав в дела Молдавии и Валахии и гарантию закрытия проливов. Попыткам отдельных держав нарушить эти условия Россия и Франция обязывалась оказывать совместно не только моральное, но и материальное противодействие. Таким образом, в основе конвенции были положены те самые принципы, которые в эпоху Крымской войны служили для западных держав главным боевым оружием против России. Но теперь все острие их оказывалось обращенным против Англии (нарушение принципа нейтрализации Черного моря и закрытия проливов) и Австрии (продолжавшаяся оккупация Молдавии и Валахии) [158].

В качестве комментария к этим документам Морни написал два больших письма Валевскому и Наполеону III [159]. Он указывал своим корреспондентам на то, что получить от России согласие на уступку Болграда без такой конвенции невозможно; что русское правительство действует вполне искренно, заботится только о собственной защите и отнюдь не думает завлечь Францию в какую-нибудь западню; что оно уже дало определенное обещание содействовать будущему территориальному расширению Франции; что заключение такой конвенции будет достойным ответом Англии за ее систематическое противодействие французской политике; что, наконец, в случае согласия Наполеона III на эту конвенцию можно будет немедленно опубликовать депешу Морни о готовности России уступить Болград. В письме к «своему дорогому императору» Морни обращал сверх того его внимание на то, как вырастит его личный авторитет в Европе, когда будет опубликовано, что он добился от России уступки без всякой заранее выговоренной компенсации, и в случае согласия просил его теле-

графировать только: «уполномочиваю дописать». Морни уверял, что все дело будет сохранено в самой строгой и безусловной тайна, и что о нем будут знать только 5 лиц: Александр II, Горчаков, Морни, Наполеон III, и Валуевский. В действительности, впрочем, Горчаков сделал исключение еще и для 6-го лица, Киселева, которому сообщал сущность переговоров в письме от 31 октября (12 ноября) с характерной надписью: «строжайше (infiniment) секретно и для вас одного» [160].

Морни, однако, довольно долго пришлось ждать ответа на эти письма. Заключение тайной конвенции с Россией было бы слишком крутым поворотом во всей французской политике, и Пальмерстон отнюдь не собирался без боя сдавать позицию англо-французского союза. Компьень,⁹⁶ в котором Наполеон III со всем своим двором пробыл конец октября и первую половину ноября сделался местом, где разыгралась целая сеть политических интриг, сводившихся к борьбе за и против английского союза. Главным противником английского союза со времени появления в *Constitutionnel* враждебных Англии статей Пальмерстон считал Валуевского тем более, что последний и не скрывал своего раздражения против Англии и открыто говорил об охлаждении симпатий к английскому союзу во французском обществе. Чтобы добиться его отставки или, по крайней мере, сломить его сопротивление, на помощь к представителям Англии и Австрии, Коулею и Гюбнеру, из Лондона явился «сентименталист» (a *sentimentalist*) Персиньи, находившийся под сильнейшим влиянием Пальмерстона и превратившийся, но словам Дизраэли, в его «послушное и слепое орудие». Противники сближения с Россией не останавливались ни пред какими мерами и для того, чтобы очернить своих врагов, распускали слухи о том, что Валуевский за сближение с Россией получил обратно свои конфискованные в Царстве Польском земли, а Морни заработал на русской железнодорожной концессии несколько миллионов. Слухи о Морни были так упорны, что Горчаков счел необходимым даже их официально опровергнуть [161]. Но решающим моментом явились не интриги отдельных дипломатов, а то давление со стороны финансовых кругов Франции, которое до сих пор не обращало на себя внимание исследователей, изучавших эту эпоху.

В Петербурге просчитались, когда под влиянием Морни преувеличили финансовую помощь бр. Перейров и Общества движимого кредита. В

⁹⁶ Компьень – город на севере Франции. Здесь находится Компьенская резиденция – дворец французских королей. Последним французским монархом, жившим во дворце, был император Наполеон III.

начале своего царствования, действительно, Наполеон III способствовал учреждению компании *Crédit mobilier* того, чтобы в лице ее составить противовес чрезмерному, по его мнению, влиянию на парижском денежном рынке дома Ротшильдов. Но, несмотря на крупные успехи *Crédit mobilier* и других французских банков, французскому капиталу далеко еще не удалось освободиться от зависимости от лондонского рынка, и значительная часть французских банкиров и финансистов оставалась тесно связанной с царившим на лондонском рынке домом Ротшильдов. Поэтому передача русской железнодорожной концессии обществу *Crédit mobilier* в ущерб Ротшильдам вызвала сильное раздражение не только в Лондоне, но и в некоторых финансовых кругах Парижа. На парижской бирже стали говорить, что русское правительство фактически заключило на выгодных для себя условиях иностранный заем, и что русская концессия едва ли сможет оправдать возлагаемые на нее надежды. Газеты *Times* и *Morning Post* начали систематически агитацию против предстоявшего выпуска русских железнодорожных акций и непрерывно доказывали, что постройка в России железных дорог обойдется гораздо дороже сделанных расчетов, и что все предприятие окажется разорительным для акционеров. Дело еще более осложнялось финансовым и денежным кризисом во Франции, который уже детом заставил Наполеона III на время отсрочить свои планы активной политики, и который к концу осени принял еще более угрожающие размеры, предвещая мировой кризис 1857 г. Парижский рынок был переполнен чисто фиктивными ценностями, количество которых находилось в резком несоответствии с количеством находившихся в обращении денег, и курс ценных бумаг непрерывно падал. Ряд промышленных предприятий в связи с этим переживал серьезные затруднения и грозил приостановкой работ и расчетом своих рабочих, чего, как огня боялось правительство, опасаясь волнений в рабочей среде. При таких условиях отлив французских капиталов в Россию представлялся особенно опасным, и один из ближайших советников Наполеона III Фульд,⁹⁷ сам раньше стоявший во главе крупного банкирского дома, решительно осуждал участие общества *Crédit mobilier* в русской концессии, несмотря на то, что одним из главных акционеров *Crédit mobilier* был его родной брат.

Французский банк принужден был начать повышение учетного процента и выписывать значительные суммы золота из Лондона, соглашаясь на

⁹⁷ Ашиль Фульд (1800 – 1867 г.) – французский политический деятель, управлял вместе со старшим братом Бенуа банкирским домом Фульд-Оппенгейм в Париже. В свое время оказал крупную услугу Наполеону, добившись у Национального собрания (1850 г.) значительного увеличения кредитов на представительство президента. Ему принадлежит инициатива основания *Crédit mobilier*.

уплату большой комиссии. А кто же мог явиться в этой операции посредником между Парижем и Лондоном как не дом Ротшильдов? И Наполеон III оказался вынужденным неоднократно обращаться за советами к Джеймсу Ротшильду⁹⁸ и вообще совершенно изменить по отношению к дому Ротшильдов свою политику. Рассчитывать же на финансовую поддержку Ротшильдов при разрыве с Англией, где они пользовались исключительным влиянием, и соглашении с Россией, которая только что обидела их, отклонив их услуги, очевидно, было невозможно. Вывод определялся сам собой. Горчаков рассчитывал нанести Англии в лице Ротшильдов удар и передал концессию Перейрам. Теперь Ротшильды отомстили ему тем, что сразу разорвали ту тонкую дипломатическую паутину, которую он плел в продолжение нескольких месяцев [162].

Итак, после некоторых колебаний Наполеон III опять разрешил в пользу Англии альтернативу: Россия или Англия? Он не согласился, правда, дать отставку Валуевскому, на чем так настаивал Персини, но зато приказал опровергнуть в официальном *Moniteur*'е статьи *Constitutionnel*'е [163], а вслед за тем, принимая в торжественной аудиенции 12 ноября русского посла Киселева, который, наконец, явился к месту своего назначения, в своей ответной речи подчеркнул незыблемость своего союза с Англией, чем вызвал заметное раздражение в Петербурге, где не ожидали такого холодного приема после вручения Киселевым Наполеону III теплого дружеского письма Александра II [164]. В своих частных разговорах с Киселевым и Брунновым Наполеон III снова начал усиленно пропагандировать идею тройственного союза между Францией, Англией и Россией, и Киселев, отдавая Горчакову отчет в своих первых впечатлениях в Париже и характеризуя настроение Наполеона III, довольно точно определял создавшееся положение, когда писал, что летом, может быть «британские придирки» (*tracasseries britanniques*) и внушили действительно Наполеону III мысль освободиться от английской опеки при помощи сближения с Россией, но что теперь финансовый кризис и страх пред внутренними осложнениями снова сделали его союз с Англией «нерасторжимым» (*indissoluble*) и отодвинули соглашение с Россией на второй план [165]. Скоро выяснилась для русской дипломатии и цена, которой Наполеон III покупал восстановление незыблемости своего союза с Англией. Это было прежде всего обязательство добиться от России уступки в вопросе о Болграде и согласие на то, чтобы Сардиния на конференции голосовала с Англией, а затем уступка английской точке зрения на финансовый вопрос в Греции (в Неаполе Ан-

⁹⁸ Якоб Майер, известный под именем Джеймс Ротшильд (1792–1868 гг.) возглавлял парижский банк семьи, став после 1855 г. старейшиной семейного бизнеса.

глия, как мы видели, сама отказывалась от мысли об отправлении эскадры), невмешательство Франции в англо-персидский конфликт и сотрудничество Франции в намеченной на ближайшее время военной экспедиции в Китай. За периодом соперничества крымских союзниц в разных уголках земного шара должна была, таким образом, по-видимому, наступить опять полоса полной согласованности их действий [166].

Разрешение кризиса в пользу Англии делало для Наполеона III предложенную Морни комбинацию с тайной конвенцией, которая уже была подготовлена для подписи, совершенно излишней. Но подписание конвенции было со стороны Горчакова условием отказа России от Болграда, а если бы Россия взяла теперь свое согласие на уступку обратно, то все дело пришлось бы начинать сначала. Поэтому французское правительство, решив уже, по-видимому, вопрос о конвенции в безусловно отрицательном смысле, все же нашло необходимым продолжать переписку о ней, чтобы удерживать русскую политику в желательном для него направлении. В депеше от 23 ноября Валуевский выразил принципиальное согласие на предложение Морни, но прибавлял только, что «так как император Наполеон не любит в политике тайных комбинаций» (*combinaisons clandestines*), то взамен конвенции он предлагает посылку депеши на имя Морни с согласием на упомянутые в предложении Морни три пункта гарантий и уполномочивает Морни копию этой депеши оставить Горчакову. Морни телеграфировал в ответ, что Горчаков предлагал сохранение дела в тайне только в интересах Франции, а что для России гласность, конечно, гораздо выгоднее; что в Петербурге обмен депеш предпочли бы обмен писем между обоими императорами, но в крайнем случае согласны и на обмен депешами, если в них будет содержаться определенное обещание военной помощи [167]. В распоряжении Морни уже был заранее подготовленный текст депеши, и в письме к Наполеону III он умолял разрешить ему оставить копию с нее Горчакову, «не делая шума, не выставляя напоказ (*sans bruit, sans étalage*), с просьбой сохранить все дело в молчании» [168]. В Петербурге были уверены, что Наполеон III согласился, и Горчаков с удовлетворением писал Киселеву 7 декабря, что Морни ожидает желанного согласия на следующий день [169]. Но переговоры с Англией относительно компенсации России за отказ от Болграда к этому времени уже пришли к желательным результатам, и Пальмерстон, заручившись сверх того от Сардинии обещанием, что ее уполномоченный или будет голосовать с Англией или по крайней мере воздержится от голосования, выразил теперь согласие не только на созыв международной конференции для решения всех спорных пунктов Парижского трактата, но и на то, чтобы решение их производилось большинством голосов, т.е. на те самые условия, которые в начале переговоров ставил

Горчаков в полной уверенности в поддержке Сардинии [170].

Продолжить после этого комедию переписки о конвенции для французского правительства было больше не нужно. Так долго ожидавшееся в Петербурге письмо Наполеона III к Морни оказалось содержащим вместо согласия на передачу копии депеши только новые настойчивые советы России вступить в тройственный союз с Англией и Францией [171], а дипломатический курьер, который уже вез в Россию окончательный текст депеши с обещанием гарантий, по дороге в Берлине получил телеграфное предписание депеши не передавать [172].

Разочарование Александра II и Горчакова было полным. Вызвав к себе Морни, Александр II горько жаловался ему на французскую политику, указывая, что в угоду Наполеона III Россия во всех спорных вопросах всецело подчинилась его указаниям и в то же время не могла получить от Франции никакой гарантии против возможных в будущем новых нарушений мирного трактата со стороны Англии, а в заключение просил, если уж не письменной гарантии на будущее, то, по крайней мере, хоть честного слова Наполеона III. Морни в ответ еще раз заверил Александра II в полной лояльности своего императора и, сообщая о своей аудиенции Наполеону III, умолял его в качестве требуемой гарантии прислать хотя бы официальное одобрение сделанных Морни заявлений [173]. Но Наполеону III и такая гарантия в данную минуту показалась слишком опасной, и переписка о конвенции завершилась депешей Валуевского, в которой французское правительство, в самой общей форме и не принимая на себя никаких специальных функций, объявляло, что оно будет считать своим долгом заботиться о строгом соблюдении всех обязательств, вытекающих из Парижского договора, всеми участниками договора [174].

Колебания политики Наполеона III объяснялись тем обстоятельством, что решение на конференции спорных вопросов большинством голосов совершенно не входило в его расчеты, так как вследствие перехода Сардинии на сторону Англии, Франции предстояло или вопреки всем ее прежним обещаниям очутиться во враждебном России лагере, или вместе с Россией оказаться в меньшинстве и понести такое же дипломатическое поражение как в Константинополе. Поэтому он усиленно вел переговоры с Англией и Австрией о предварительном соглашении по спорным вопросам, которое бы затем обратило заседание конференции в простую формальность и избавило бы ее участников от необходимости официального голосования. В Петербурге новое обнаружение двойственности французской политики естественно вызвало сильное раздражение. Горчаков жаловался в письмах к Киселеву, что тот, кого еще недавно провозглашали арбитром Европы, на самом деле не может быть назван «в достаточной степени даже государем

Франции» (*pas encore suffisamment souverain de la France*), так как его политика лишена самостоятельности, и в первую минуту хотел даже вовсе отказаться от какой бы то ни было компенсации за Болград, чтобы поставить Наполеона III в возможно более неловкое положение по отношению к России [175]. Но каков бы ни был Наполеон, он все же в глазах Горчакова пока оставался единственным человеком, который мог помочь России «разорвать» парижский трактат, и под влиянием советов Морни с одной стороны, Киселева и Бруннова с другой, Горчаков в конце концов сдался и согласился и на уступку Болграда, и на предложенную со стороны Франции компенсацию. После этого в Париже собралась, наконец, под председательством Валуевского конференция и быстро покончила дело. Змеиный остров и дельта Дуная были уступлены Турции, Болград – Молдавии, а Россия в качестве компенсации получила часть территории уступленной раньше Молдавии. Англия и Франция обязывались эвакуировать все оккупированные ими в Турции области к 18 (30) марта 1857 г. [176].

Таким образом, конфликт, возникший между державами из-за выполнения условий Парижского мира, с внешней стороны оказался ликвидированным вполне благополучно. Россия получила за отказ от Болграда достаточную территориальную компенсацию и добилась установления твердого срока эвакуации Дунайских княжеств и Босфора, а Наполеон III снова получил возможность фигурировать в роли арбитра Европы. Но Горчаков строил на почве этого конфликта слишком широкие планы, чтобы быть удовлетворенным таким ничтожным исходом. Не только оказалась не достигнутой его главная цель – разрушение англо-французского союза и создание на его развалинах союза франко-русского, но и самый англо-французский союз вышел из пережитого испытания как будто окрепшим. С раздражением писал он по этому поводу Бруннову: «История с Болградом расстроила все мои политические расчеты. Она отсрочила на несколько месяцев позицию, которую мы могли бы занять в Европе и усложнила положение без всякой выгоды для нас» [177]. И Бруннов вторил ему, высказывая свое соболезнование по поводу того, что приходится «делать малую политику», которая так противна всему духу Горчакова, и, утешая его тем, что со временем эта «малая» политика обеспечит ему успех в «большой» [178].

Нетерпеливый темперамент Горчакова, за который он получил прозвание «северного южанина» (*meridional du Nord*), заставил его повторить ошибку Нессельроде в конце 1855 г. Горчаков верно оценил внутренний смысл союза между Англией и Францией, в существе которого лежала не только общность интересов двух союзниц, но и нейтрализация противоречивых стремлений двух соперниц, и верно нащупал те большие пункты, в

которых взаимное соперничество обеих держав оказывалось сильнее их официального союза. Не без искусства способствовал он углублению противоречий между обоими союзниками и попытался использовать их для возвращения России к активной политике. Но он переоценил экономическую и политическую мощь Франции, потребность ее в политике расширения и степень расхождения ее интересов с интересами Англии. Союз с Россией нужен был Наполеону III только для переделки карты Европы, а пока он еще был не в силах приступить к осуществлению своих излюбленных планов, да и Россия после только что пережитого военного разгрома была слишком слаба, чтобы быть в состоянии заменить для Франции Англию. Горчаков в пылу дипломатической борьбы забыл, как он сам предсказывал, что этот момент наступит года через два. Но хотя таким образом немедленное заключение франко-русского союза сорвалось, это вовсе не означало крушения всего плана русской внешней политики, который Горчаков базировал на основе сближения с Францией. Мысль о тесном сближении, а, может быть, и о настоящем союзе с Россией усиленно продолжала занимать Наполеона III. В своих разговорах с Киселевым и Бруновым среди общих рассуждений о тройственном союзе он не раз бросал многозначительные фразы о более тесном сближении с Россией, которое «может и должно произойти, но только постепенно», как бы развивая дальше слова, сказанные еще Орлову во время Парижского конгресса: «Через год, через два года все будет по-иному!» [179]. Нужно было только уметь ждать, и ждать оказалось не так долго, как это вскоре показал поворот, приданный французской политике Наполеоном III с самого начала 1857 г.

Примечания:

1. См. его письмо Вильямсу от 11 апреля 1856 г. Lane-Poole. *Life of Stratford Canning*. II, 143.
2. См. Bismarck. *Gedanken und Erinnerungen*, II 21. – Маркс и Энгельс. Соч. Т. XI, 425.
3. О раздражении Пальмерстона и Кларендона по поводу получения Лессепсом концессии см. Maxwell. *Life and letters of Clarendon*. II, 88–89.
4. См. Lane-Poole. *Life of Stratford Canning*. II, 408 s. – См. также донесение Персиньи за сент. и окт. 1855 г. Stern. *Geschichte Europas*. VIII, 125–126.
5. О причинах, побудивших Наполеона III стремиться к заключению мира см. Jomini. *Etude Diplomatique*. II, 359. – Debidour. *Histoire diplomatique de l'Europe. 1815–78 (1891)*. II, 142–143.
6. Martin. *Life of the Prince Consort*. III, 119–120. – Ermit II, von Coburg aus meinem Leben. II. 139–141. – Hubner. *Neufans de souvenirs*. 241.
7. Charles Roux. Alexandre II, Gortchhakoff et Napoleon III [Paris, 1913], 39. – Bamberg. *Geschichte der orientalischen angelegenheit*, 265.
8. См. Дешешу Бруннова из Парижа от 28 июня (10 июля) 1856 г. Арх. МИД. 1856. Paris, III.
9. Charles-Roux. *Op.cit, ibidem*.
10. Об экономических планах Австрии см. Stern. *Geschichte Europas*. VIII, 62. Покровский. *Дипломатия и войны царской России [в XIX столетии]*. М., 1923, 132.
11. См. напр. отзыв императрицы Евгении об австрийской политике, приведенный Гюбнером. Hubner. *Op. cit*, 351.
12. См. письмо Кларендона Гренвиллю от 16 сентября 1855 г. (Maxwell. *Life and letters of Clarendon*. II, 93–94) и донесение Персиньи от 18 сентября 1855 г. (Stern. *Geschichte Europas*. VIII, 555–556). См. также Geffcken. *Zur Geschichite des Orientalischen Krieges*, 196. – Olliuier [Em]. *L'Empire liberal*. III, 327–328.
13. См. Анонимный мемуар, приложенный к депеше Киселева от 20 ноября (2 декабря) 1856 г. Арх. МИД. 1856. Paris, V.
14. Дешеша Нессельроде от 5 (17) апреля 1856 г. Арх. МИД. 1856, Paris, VI.
15. Дешеша Горчакова Бруннову от 20 мая (1 июня) 1856 г. Арх. МИД. 1856, Paris, VI.
16. Инструкции Киселеву от 26 июля (7 августа) 1856 г. Арх. МИД. 1856, Paris, VII.
17. «La Russia ne boude pas. La Russia se recueille». Циркуляр Горчакова от 21 августа (2 сентября) 1856 г. Арх. МИД. 1856, Ехр. II.
18. См. письма Александра II Фридриху Вильгельму IV от 7 (19) января и 5 (17) апреля 1856 г. Арх. МИД. 1856, Prusse.
19. См.: Bismarsk. *Gedanken und Erinnerungen*, I, 110–114. – Stern. *Geschichte Europas*. VIII, 62–72, 97.
20. См. обо всем этом инструкции Орлову от 30 января (11 февраля) и инструкции Киселеву от 26 июля (7 августа) 1856 г. Арх. МИД. 1856, Paris, VI; 1856. Paris, VII.
21. Goriainow S. *Les etapes de e'alliance franco-russe*. // *Revue de Paris*. 1 jonoier, 1912, 5–8.

22. См. Jomini. Op. cit. II, 369–373. Beust. Aus der drei Viertel jahrhundertch. I, 201–211. – Charles-Roux. Op. cit. 44–55.
23. Эта тайная переписка между Горчаковым и Морни в своей большей части была опубликована в книге: Duc de Morny. Une ambassade en Russie Extrait des memoires (Paris, 1892). Отдельные отрывки из нее (очевидно чрез самого Горчакова), впрочем, были уже раньше известны Жомини (См. Jomini. Op. cit, II, 374) и на основании книги Жомини использованы Бамбергом (Bamberg. Op. cit, 236). Оба посредника обозначены в книге Морни только инициалами Е и J. Это послужило причиной ошибки Татищева, который, раскрывая инициалы, назвал Эскелеса Эрлангером. (Татищев. Император Александр II, II, 162). См. по этому поводу Charles-Roux. Op. cit. 49.
24. Morny, 19–23.
25. Ibidem, 43.
26. См. депешу Буркене от 14 ноября 1855 г. Charles-Roux, 96–97.
27. См. текст этого письма у Martin. Life of the Prince Consort. III, 524–526. О раздражении Пальмерстона и Кларендона см. Ashley W. Life and correspondence of Lord Palmerston, II, 322–324. – Maxwell. Life and letters of Clarendon. II, 103–104.
28. Huber. Op. cit, 359–373. Stern. Geschichte Europas, VIII, 127–129, где использованы донесения Персиньи из Лондона с 20 ноября по 13 декабря 1855 г. См. также Charles-Roux, 56–63.
29. См. депешу Буркене из Вены от 14 ноября 1855 г. Цитирована у Charles-Roux, 57–59.
30. См. использованные Штерном депеши Персиньи из Лондона с 17 по 28 января 1856 г. (Stern. Geschichte Europas, VIII, 132). См. также депеши Орлова из Парижа от 19 февраля (2 марта) и 28 февраля (11 марта) 1856 г. Арх. МИД. 1856, Paris, I.
31. Jomini, II, 380–383. – Charles-Roux, 65–66. Татищев, I, 168.
32. Горчаков предложил отвергнуть австрийский ультиматум и вслед за тем немедленно обратиться непосредственно к Франции с формальным предложением мира на основе 4 пунктов и впоследствии обвинял Нессельроде в том, что он сознательно скрыл его предложение и тем лишил Россию возможности заключить мир на более льготных условиях. Эта версия долго держалась в русской литературе (См. Jomini, 389–390; Татищев, I, 170–171), но после опубликованных Шарлем Ру материалов должна быть безусловно отвергнута. Правда, Наполеон III и после соглашения об ультиматуме продолжал колебаться и еще 14 января 1856 г. в своем письме к Виктории допускал возможность заключение мира на основе русских контрпредложений (См. Letters of Queen Victoria, III, 205–207), но пойти дальше колебаний и решиться на разрыв с союзниками он конечно не мог.
33. Описание этого совещания см. у Жомини (Jomini, II, 390–397 в биографии Киселева (Заболоцкий-Десятковский. Граф Киселев и его время. III, 3–5) и в книге Бамберга (Bamberg, 239–240), дополняющей сведения Жомини.
34. Gourdon. Histoire du condres de Paris, 383–384. – Rothan. La Prusse et son roi pendant la guerre de Crimee, 240.
35. Charles-Roux, 74.
36. См. Татищев, I, 166–167, – Мартенс. Сборник договоров. VIII, 456–457.

37. Письмо Александра II к Фридриху Вильгельму IV от 7 (19) января 1856 г. Арх. МИД, 1856, Prussia.
38. Проект этот, датированный 24 января 1856 г., хранится в архиве МИД.
39. Jomini. Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, II, 403–416. Петров. Русские дипломаты на Парижском конгрессе 1856 г. (Исторический Вестник, 1891 г. № 1–3). Татищев. Император Александр II. Т. I, 173–189. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций. XV, 282–296.
40. См. письмо Кларендона королеве Виктории от 18 января 1856 г., Martin, III, 432–433.
41. Geffcken. Op. cit., 223–224.
42. Geffcken. 226. – Bamberg, 246–247.
43. Депеша Бруннова от 7 (19) февраля 1856 г. Арх. МИД. 1856. Paris, V.
44. О том, что Орлов сделался в Париже настоящим «львом севера» сообщал Александру II даже Фридрих Вильгельм IV (на основании донесений своего уполномоченного на конгрессе Мантейфеля). См. письмо Фридриха Вильгельма IV от 14 (26) марта 1856 г. Арх. МИД. 1856. Prussia.
45. Депеша Орлова от 19 февраля (2 марта) 1856 г. Арх. МИД. 1856, Paris, I.
46. Депеша Орлова от 19 февраля (2 марта) 1856 г., 28 февраля (II марта) и 20 марта (1 апреля) 1856 г. Арх. МИД. 1856. Paris, I, 1856. Paris, II.
47. Депеша Бруннова от 7 (19) февраля 1856 г. и депеша Орлова от 28 февраля (11 марта) 1856 г. Арх. МИД. 1856. Paris, I.
48. Депеша Бруннова от 11 (23) мая 1856 г. Арх. МИД. 1856, Paris, II.
49. Депеша Орлова от 28 февраля (11 марта) и 20 марта (1 апреля) 1856 г. Арх. МИД. 1856. Paris, I, 1856. Paris, II.
50. Депеша Орлова от 19 февраля (2 марта) и 28 февраля (11 марта) 1856 г. Арх. МИД. 1856. Paris, I.
51. См. текст его у Gourdon'a, Op.cit., 551–557.
52. Текст проекта Орлова см. в его депеше от 20 марта (1 апреля) 1856 г. Арх. МИД. 1856, Paris, II.
53. Charles-Roux, 96–97.
54. Ibidem, 97.
55. Депеша Орлова от 20 марта (1 апреля) 1856 г. Арх. МИД. 1856, Paris, II.
56. Депеша Орлова от 28 февраля (11 марта) 1856 г. Арх. МИД. 1856, Paris, I.
57. См. Hubner. 417. – Geffcken, 244 sqq. – Bamberg, 246 s.
58. Вопреки утверждению Шарля Ру (Op.cit. 109) это письмо еще не было собственноручным. Собственноручными письмами, чему в дипломатических отношениях придавалось особое значение, оба государя стали обмениваться только с начала 1857 г., и инициатива в этом отношении принадлежала Наполеону III. См. их переписку в Арх. МИД в папках 1856, France, и 1857, France.
59. Письмо Александра II к Наполеону III от 4(16) апреля 1856 г. Арх. МИД. 1856. France.
60. См. депеша Нессельроде Орлову от 3(15) марта и 5(17) апреля 1856 г. Арх. МИД. 1856» Paris, VI. – Депеша Орлова Нессельроде от 20 марта (1 апреля) 1856 г. Ibidem. 1856, Paris, II.

61. См. секретную инструкцию Орлову от 30 января (11 февраля) 1856 г. Арх. МИД. 1856, Paris, VI.
62. См. протокол (№ 6) заседания конгресса 8 марта 1856 г. Gourdon. Histoire du congres de Paris, 52–54. См. также инструкции Орлову от 30 января (11 февраля) 1856 г. (Арх. МИД. 1856, Paris, VI) и его депешу из Парижа от 28 февраля (11 марта) 1856 г. (Ibidem, 1856, Paris, I).
63. См. депешу Бруннова от 11 (23) мая 1856 г. Ibidem. 1856, Paris, II.
64. См. протокол (№ 22) заседания конгресса 8 апреля 1856 г. Gourdon, 117.
65. См. депешу Орлова из Парижа от 7(19) апреля 1856 г. Арх. МИД. 1856, Paris, II.
66. См. Покровский. Дипломатия и войны царской России. 176–177.
67. См. депешу Нессельроде Орлову от 3(15) марта 1856 г. и депеши Орлова из Парижа от 19 февраля (2 марта) и от 7(19) апреля 1856 г. Арх. МИД. 1856, Paris, II; Paris, 1, 1856. Paris, II. – См. также Geffcken. 268–270.
68. См. выше.
69. См. Бржевский Н. Государственные долги России. 199–202.
70. См. шифрованную телеграмму Бруннову от 4 мая 1856 г. Арх. МИД. 1856, Paris, II. См. также письмо Бруннова Нессельроде от 22 марта (3 апреля) 1856 г. Ibidem, 1856, Paris, I.
71. См. две депеши Нессельроде Орлову от 5(17) апреля 1856 г. Арх. МИД. 1856. Paris, VI.
72. Hubner, 401. – Charles-Roux, 100–101.
73. См. Hubner, 416–418. – Geffcken. 287–289. – Charles-Roux, 105.
74. Любопытно отметить, что в дипломатической переписке неофициального характера императора французов чаще называли «Людовиком Наполеоном», чем «Наполеоном III».
75. Депеша Орлова от 18 (30) апреля 1856 г. с резолюцией Александра II. Арх. МИД. 1856, Paris, II.
76. См. депешу Орлова от 22 апреля (4 мая) 1856 г. (Арх. НИД. 1856, Paris, II) и депешу Бруннова от 15(27) августа 1856 г.
77. Депеши Орлова от 18 (30) апреля, 21 апреля (3 мая) и 22 апреля (4 мая) 1856 г. и депеша Бруннова от 11 (23) мая 1856 г. Арх. МИД. 1856, Paris, II.
78. Депеша Орлова от 12 (24) мая 1856 г. Ibidem.
79. Письмо Морни Валуевскому от 6 октября 1856 г. Morni, 116–117.
80. Ollivier. L'Empire liberal. III, 370.
81. См. относительно внутреннего положения Франции после Парижского конгресса депеши Бруннова от 25 июля (6 августа) 1856 г. (Арх. МВД. 1656, Paris, III) и 26 сентября (8 октября) 1856 г. (Ibidem, 1856. Paris, IV) и депеши Киселева от 3 (15 ноября) и 20 ноября (2 декабря) 1856 г., (Ibidem. 1856, Paris, V), а также его доклад об экономическом и финансовом положении Франции в июне 1857 г. (Ibidem, 1857. Paris, II). См. также T. Delord. Histoire du second Empire, 1868–75 (есть рус. пер.) II, 1–5. – La Gorce [P.]. Histoire du second empire, II, 45–46
82. См. депешу Бруннова от 20 мая (1 июня) 1856 г. Арх. МИД, 1856. Paris, II.
83. См. депеши Бруннова от 11 (23) мая и 25 июля (6 августа) 1856 г., Ibidem 1856. Paris, II; 1856, Paris, III.

84. См. депеши Бруннова от 6 (18) июня, 14 (26) июня, 28 июня (10 июля) 1856 г., его письмо от 28 июня (10 июля) 1856 г. Ibidem, 1856, Paris, II; 1856, Paris, III.
85. См. депешу Бруннова от 28 июня (10 июля) 1856 г. Ibidem. 1856, Paris, III.
86. В первый момент, впрочем, имя Киселева вызвало в Наполеоне III некоторое смущение, так как брата его, бывшего русским посланником в Париже до войны, французское правительство обвиняло в орлеанских симпатиях, но полученные из Петербурга объяснения вполне его успокоили. См. обо всем этом депешу Бруннова от 31 мая (11 июня) 1856 г. и его письма от 29 мая (10 июня) и 11 (23) июля 1856 г. Ibidem, 1858, Paris, II.
87. За 1856 г. Александр II и Наполеон III обменялись 8 личными (хотя и не собственноручными) письмами.
88. Об успехах Морни в русском обществе см. Morny. Op. cit. possim, u Charles-Roux, 420 sqq.
89. См. его письма Валуевскому от 25 сентября и 6 октября и Наполеону III от 20 декабря 1856 г. Morny, 85. 114. 168, 183–184.
90. Письма Горчакова Бруннову от 4 (16 августа) и 1 (13) сентября 1856 г. Арх. МИД, 1856, Paris, VI.
91. Письмо от 29 сентября (11 октября) 1856 г. Ibidem, 1856. – Ехр. II.
92. Письмо Александра II к Фридриху Вильгельму IV от 5 (17) апреля 1856 г. Арх. МИД. 1856, Prusse.
93. Доклад Горчакова Александру II от «субботы» (по-видимому, 29 сентября – 11 октября 1856 г.) Арх. МИД. 1856. Доклады.
94. См. напр., письмо Морни к Валуевскому от 8 августа 1856 г. Morny, 66–67.
95. Заблоцкий-Десятовский. Граф П.Д.Киселев и его время. III. 39.
96. Для всего вышеизложенного см. инструкции Бутеневу от 14 (26) июля, Хрептовичу от 14 (26) июля. Штакельбергу (в Турин) от 11 (23) июля, Киселеву от 26 июля (7 августа Бенкендорфу (в Штуттгарт) от 1 (13) сентября и Киселеву от 15 (27) сентября 1856 г. Арх. МИД, 1856. Ехр, II.
97. См. депешу Бруннову от 7 (19) февраля 1856 г. и депеши Орлова от 20 марта (1 апреля) и 7 (19) апреля 1856 г. Арх. МИД. 1856. Paris, I; 1856, Paris, II.
98. См. протоколы заседаний 14-го от 25 марта и 17-го от 28 марта Парижского конгресса. Gourdon, 79. 98. – См. также депешу Нессельроде от 24 марта 1856 г. Арх. МИД, 1856. Paris, VI.
99. См. большой доклад Бруннова с 5 приложениями от II (23) мая 1856 г. Арх. МИД, 1856, Paris, II.
100. См. письмо Бруннова к Нессельроде от 22 марта (3 апреля) 1856 г. Арх. МИД. 2 1856, Paris, I. – См. также депешу Орлова от 7 мая 1856 г. Ibidem. 1856. Paris, II.
101. Ibidem, 1856. France.
102. См. телеграммы Бруннова от 4 (16) мая (Ibidem, 1856, Paris, I) от 30 июня (11 июля) (Ibidem. 1856. Paris, VI).
103. См. депеши Бруннова от 3 (15) июля и 12 (24) августа 1856 г. (Ibidem, 1856, Paris, III; 1856, Paris, IV) и его письмо товарищу мин. ин. дел Толстому от 15 (27) августа 1856 г. (1856, Paris, II).

104. См. шифрованные телеграммы Бруннова от 17 (29) августа. 1 (13) сентября и 3 (15) сентября 1856 г. *Ibidem*, 1856. Paris, III.
105. См. письмо Бруннова от 11 (23) июля 1856 г. (*Ibidem*, 1856, Paris, II) и отрывки из писем Морни к Валуевскому от 8 и 15 августа и 5 сентября 1856 г. (Charles-Roux, 138).
106. См. дешифрованную телеграмму Вертера Мантейфелю от 30 июня 1856 г. Арх. МИД, 1855–1857, Restitutions.
107. См. доклад Горчакова Александру II от 7 (19) октября 1856 г. *Ibidem*, 1856. Доклады.
108. См. Кислинский. Наша железнодорожная политика. I, 69–71,
109. Morny, 155–156. 197–200. – Дешеша Морни Валуевскому от 14 сентября 1856 г. Арх. МИД. 1855–1857. Restitutions (Ср. ту же депешу у Charles-Roux, 174–175).
110. См. дешифрованную депешу Мантейфеля Вертеру от 3 декабря 1856, Арх. МИД. 1855–1857, Restitutions.
111. См. депешу Бруннова от 6 (18) июня и письмо от 31 июля (12 августа) 1856 г. (Арх. МИД, 1856. Paris, III), а также его депешу от 5 (17) августа 1856 г. (*Ibidem*, 1856. Paris, IV). – См. также меморандум Пальмерстона о разговоре его с русским посланником Хрептовичем 12 августа 1856 г. Ashley. Life and correspondence of Lord Palmerston. II, 331–335.
112. Дешеша Горчакова Бруннову от 11 (23) июня 1856 г. Арх. МИД. 1856, Exp, I.- Дешеша английского посланника в России Вудгауза Кларендону от 10 июля 1856 г. *Ibidem*, 1855-1857, Restitutions.
113. См. письмо Горчакова Бруннову от 4 (16) августа (*Ibidem*, 1856. Paris. VII), депешу Бруннова от 7 августа и его письмо от 15 августа (*Ibidem*, 1856. Paris. III) и депешу Киселева от 30 ноября (12 декабря) 1856 г. (*Ibidem*, 1856. Paris, V). – См. также депешу Морни от 15 и 17 августа 1856 г. Charles-Roux, 136–137.
114. См. три депешы Бруннова от 6 (18) июня 1856 г. Арх. МИД. 1856, Paris, III. Любопытно отметить, что сначала с доводами Валуевского вполне соглашался и английский посол в Париже Коулей, но затем, получив инструкцию из Лондона, изменил свою точку зрения.
115. Дешешы Бруннова от 18 (30) июля и I (13) августа 1856 г. *Ibidem*, 1856. Paris, III; 1856. Paris, IV.
116. Дешеша Горчакова Бруннову от 29 июля (10 августа) 1856 г. *Ibidem*, 1856. Paris, VII. Письмо Морни Валуевскому от 8 августа 1856 г. Morny, 75–80.
117. См. депешы Бруннова от 11 (23) июля и 25 июля (6 августа) 1856 г. и его письмо от 4 (16) августа 1856 г. Арх. МИД. 1856. Paris, III. – Дешеша Горчакова от 4(16) августа 1856 г. и письмо его от того же числа. *Ibidem*, 1856. Paris, VII. – Дешешы Бруннова от 10 (22) августа и 15 (27) августа 1856 г. *Ibidem*, 1856. Paris, IV. Дешешы Морни Валуевскому от 15 и 17 августа 1856 г. Charles-Roux, 135–136.
118. Дешешы Горчакова от 16, 17, 19, 25 сентября и 4 октября (28 и 29 сентября, 1, 17, и 16 октября) 1856 г. и его письма Бруннову от 1 (13) сентября 1856 г. Арх. МИД. 1856, Paris, VII, – Дешешы Бруннова Горчакову от 22, 24 и 29 сентября (4, 6 и 11 октября) 1856 г. *Ibidem*, 1856. Paris, IV. – Дешешы Морни от 18 и 25 сентября и 6 октября 1856 г. *Ibidem*, 1855–1857. Restitutions; Morny, 81–90, 118–119.

119. См. депеши Горчакова от 12 (24) августа. 14(26) сентября и 25 октября (6 ноября) 1856 г. Арх. МИД. 1856. Paris, VII; 1856. Paris, VIII. – Депеши Киселева от 22 ноября (4 декабря) 1856 г. и Бруннова от 17 (29) декабря 1856 г. *Ibidem*, 1856. Paris, V.
120. См. депеши Тувенеля от 20 июля и 11 августа 1856 г. Charles-Roux, I46–I47. См. также Thouvenel, *Trois annees de la question d’Orient*, 10-14.
121. См. Stern, *Geschichte Europas*, VIII, 191–192. См. также ноту от Прокеш-Остена по этому поводу. – Thouvenel, 6–7.
122. См. депеши Бруннова от 26 сентября (8 октября) и 4 (16) октября 1856 г. Арх. МИД. 1856. Paris, IV.
123. См. Vamberg, 296–298.
124. Депеша Бруннова от 20 июня (2 июля) 1856 г. Арх. МИД. 1856. Paris, III.
125. Депеша Горчакова Бруннову от 20 мая (1 июня) 1856 г. *Ibidem*, 1856. Paris, VI.
126. См. инструкции Базили от 18 (30) июля и депеши Бутеневу от 14 (26) августа и 19 сентября (1 октября) 1856 г. *Ibidem*, 1856, Ехр, II. – Письмо Горчакова Бруннову от 3 (15) октября 1856 г. *Ibidem*, 1856 г. Paris, VIII.
127. См. Vamberg, 251–252.
128. См. протокол 22-й заседания 8 апреля Парижского конгресса, Gourdon, 108.
129. Депеши Бруннова от 11 (23) мая и 30 мая (1 июня) и его два письма от 6 (18) июля 1856 г. Арх. МИД, 1856, Paris, II.- Депеша Бруннова от 4 6 (18) июня 1856 г. *Ibidem*, 1856, Paris, III. – Депеша Горчакова Бруннову от 20 июня (2 июля) 1856. *Ibidem*, 1856. Ехр, I.
130. Депеши Горчакова Бруннову от 20, 23 мая, 20 июня и 20 августа (1 и 4 июня, 2 июля и 1 сентября) и письма 20, 31 мая, 14 июня и 1 сентября (1,12,26 июня и 13 сентября) 1856 г. *Ibidem*, 1856, Ехр, I: 1856, Paris, VI; 1856. Paris, VII. – Депеша Горчакова Персиани от 11 (23) августа 1856 г. *Ibidem*, 1856, Ехр, II. – Депеши Бруннова Горчакову от 6 июня, 1 и 20 августа, 1 и 6 сентября (18 июня, 13 августа, 1, 13 и 16 сентября) 1856 г. *Ibidem*, 1856. Paris, III; 1856, Paris, IV. – Депеши Морни Валевскому от 15 августа и 6 сентября 1856 г. Charles-Roux, 170.
131. Депеша Горчакова Бруннову от 14 (26 октября) 1856 г. Арх. МИД, 1856, Paris, VII.
132. Депеша Бруннова Горчакову от 21 сентября (3 октября) 1856 г. Арх. МИД. 1856, – Paris, IV.
133. См. депеши Бруннова от 20 мая (1 июня), 22 августа (3 сентября). 1(13) сентября, 15 (27) сентября и 21 сентября (3 октября) 1856 г. Арх. МИД, 1856. Paris, II; 1856. Paris, IV.
134. 134. См. текст циркуляра от 21 августа (2 сентября) 1856 г. Арх. МИД, 1856, Ехр. II.
135. Депеши Бруннова Горчакову от 19/22 и 26 сентября (1, 4 и 8 октября) 1856 г. *Ibidem*, 1856. Paris, IV, – Депеша Горчакова Бруннову от 23 сентября (5 октября) 1856 г. 1856. Paris, VII.
136. Депеши Горчакова Бруннову от 23, 24 и 29 августа, 25 сентября и 4 октября (4, 5 и 10 сентября, 7 и 16 октября) 1856 г. *Ibidem*, 1856. Paris, VII. – Депеши Бруннова Горчакову 24 и 27 августа. 8, 9, 10, 15, 21, 26 и 29 сентября (5, 8, 20, 21, 22 и 27

- сентября, 3, 8 и 11 октября) 1856 г. *Ibidem*, 1856, Paris, IV. – Дешеш Реджина от 8 и 10 сентября, Карафе от 13 сентября, Морни от 6 и 10 сентября, 6 и 14 октября 1856, *Ibidem*, 1855–1857, Restitutions. – Morny, 114–124.
137. Дешеш Бруннова Горчакову от 3(15) октября 1856 г. Арх. МИД. 1856. Paris, IV.
138. Hubner, 439–440.
139. Дешеш Горчакова от 26 июля (7 августа) и 30 августа (11 сентября) и его письмо Бруннову от 20 июля (1 августа) 1856 г. Арх. МИД, 1856, Paris, VII. – Дешеш Бруннова Горчакову от 25 июля (6 августа) и 26 сентября (8 октября) 1856 г. *Ibidem*, 1856. Paris, III; 1856, Paris, IV.
140. Письма Бруннова Горчакову от 14(26) июня и 3(15) июля и дешеш от 21 августа (2 сентября) 1856 г. *Ibidem*, 1856. Paris, II; 1856. Paris, IV. – Письма Горчакова Бруннову от 25 июля (6 августа) 1856 г. *Ibidem*, 1856. Paris, VII. – Доклады Горчакова Александру II от 22 августа (3 сентября) и 4 (16) октября 1856 г. *Ibidem*, 1856. Доклады.
141. См. письмо Горчакова Бруннову от 4 (16) августа) 1856 г. Арх. МИД, 1856, Paris, VII. Дешеш Морни Валуевскому от 5 сентября 1856 г. Charles-Roux, 138–139.
142. См. дешеш Морни Валуевскому от 15 и 17 августа, 5, 6 и 10 сентября 1856 г. Charles-Roux, 135–137. 170–174. – Архив МИД. 1855–1857. Restitutions. – Письмо Горчакова Бруннову от 1 (13) сентября и дешеш от 24 августа (5 сентября) 1856 г. *Ibidem*, 1856, Paris, VII. – Доклад Горчакова Александру II от 22 августа (3 сентября) 1856 г. *Ibidem*, 185. Доклады.
143. Дешеш Валуевского Морни от 12 сентября 1856 г. Charles-Roux, 174; В несколько отличной форме ее текст в Арх. МИД. 1855–1857, Restitutions.
144. Дешеш Морни Валуевскому от 14 сентября 1856 г. Charles-Roux, 174–175. В иной форме Арх. МИД. 1855–1857. Restitutions.
145. Письмо Морни Наполеону III от 15 сентября 1856 г. Morny, 90, 98.
146. См. напр. еще дешешу от 6 октября 1856 г. Charles-Roux, 152–154.
147. См. письмо королевы Виктории императрице Евгении, Letters of Queen Victoria, III, 164–166. – См. также письма Кларендона в сентябре и октябре 1856 г. Maxwell. Life and letters of Clarendon, II, 130–136.
148. См. дешеш Кларендона Коулею и Персиньи Валуевскому в октябре 1856 г. у Charles-Roux, 143 и Stern. Geschichte Europas, VIII, 186.
149. Дешеш Валуевского Морни от 12 октября 1856 г. Charles-Roux, 155. – Две дешеш Бруннова Горчакову от 6 (18) октября 1856 г. Арх. МИД. 1856. Paris, IV.
150. Дешеш Морни Валуевскому от 13 октября 1856 г. Charles-Roux, 155. – Письмо Горчакова Бруннову от 3 (15) октября 1856 г. Арх. МИД. 1856. Paris, VIII.
151. См. дешешу Бруннова от 27 октября 1856 г. *Ibidem*, 1856. Paris, V.
152. Дешеш Бруннова Горчакову от 6, 13, 16 (18, 25, 28) октября и 27 октября (8 ноября) 1856. Арх. МИД. 1856, IV. Дешеш Горчакова Бруннову от 11 и 14 (23 и 26) октября 1856 г. *Ibidem*, 1856. Paris, VII. – Письмо Валуевского Тувенелю от 11 октября 1856. Thouvenel, 42–43.
153. См. выдержки из дешеш Тувенеля за октябрь – ноябрь 1856 г. Thouvenel, 49–60. См. также у Charles-Roux, 144. – Доклад Горчакова Александру II от 14 (26)

- октября 1856 г. Арх. МИД, 1856. Доклады. – Дешши Бруннова от 20 октября (1 ноября) и Киселева от 25 октября (6 ноября) 1856 г. Ibidem, 1856. Paris, IV.
154. Письмо Тувенеля Бенедетти от 10 ноября 1856 г. Thouvenel, 62.
155. Дешша Морни Валуевскому от 30 октября 1856 г. Charles-Roux, 160.
156. Дешша Бруннова от 30 октября 1856 г. Арх. МИД, 1856. Paris, V.
157. Телеграмма Морни Валуевскому от 22 октября (3 ноября) и письмо от 28 октября (9 ноября) 1856 г. Morny, 127–140.
158. Текста этой конвенции нет в переписке Морни, и потому он остался неизвестным Шарлю-Ру. Но содержание его можно вполне точно восстановить на основании проекта дешши Валуевского Морни, врученного Горчакову 29 ноября (11 декабря) 1856 г. Арх. МИД, 1856, France.
159. Morny, 135–149. Оба письма не датированы, но из сопоставления их содержания с другими документами, можно заключить, что они были написаны между 9 и 12 ноября 1856.
160. Арх. МИД, 1856. Paris, VIII.
161. См. дешши Бруннова от 27 и 31 октября и 22 ноября (8 и 12 ноября и 4 декабря) и его письмо от 4 (16) ноября 1856 г. Арх. МИД, 1856. Paris, V. – Дешша Горчакова от 28 октября (9 ноября) 1856. Ibidem, 1856. Paris, VIII, – См. также Hubner, 448. – Letters of Queen Victoria, III, 272–273.
162. Обо всем этом см. дешши Бруннова от 27 и 31 октября (8 и 12 ноября) и Киселева от 25 октября (6 ноября), 3 (15) ноября и 20 ноября (2 декабря) 1856 г. Арх. МИД, 1856, Paris, V.
163. См. письмо Киселева от 4 (16) ноября 1856 г. Арх. МИД, 1856. Paris, V. Письмо Горчакова от 11 (23) ноября 1856 г. Ibidem, 1856. Paris, VIII. – Письмо Александра II Наполеону III от 29 сентября (11 октября) ответное письмо Наполеона III от 16 ноября 1856 г. Ibidem, 1856, France. – Письмо Морни Валуевскому от 25 ноября 1856 г. Morny, 150–157.
164. Дешши Бруннова от 27 и 30 октября (8 и 11 ноября) 1856 г. Ibidem, 1856. Paris, V. Письма Бенедетти Тувенелю от 8 и 11 ноября 1856 г. Thouvenel, 60–62.
165. Дешша Киселева от 3 (15) ноября 1856 г. Арх. МИД, 1856. Paris, V.
166. См. письмо императрицы Евгении королеве Виктории от 7 ноября 1856 г. Letters of Queen Victoria, III, 271–272. См. также дешши Бруннова от 31 октября (12 ноября) и Киселева от 17, 20, 27, 30 ноября, 1 и 4 декабря (29 ноября, 2, 9, 12, 13 и 16 декабря) и письмо Киселева от 19 (31 декабря) 1856 г. Арх. МИД, 1856. Paris, V.
167. Дешши Валуевского Морни от 28 ноября и Морни Валуевскому от 25 ноября. Арх. МИД, 1856, France; 1855–1857. Restitutions. – Письмо Морни Валуевскому от 25 ноября 1856 г. Morny, 150–157.
168. Письмо Морни Наполеону III от 7 декабря, Morny, 165–168.
169. Письмо Горчакова Киселеву от 25 ноября (7 декабря) 1856 г. Арх. МИД, 1856. VIII.
170. Дешши Бруннова от 27 октября (8 ноября) и Киселева от 14, 17, 24 ноября (26, 29 ноября и 6 декабря) 1856 г. Ibidem, 1856. Paris, V. – Письмо Горчакова Киселеву от 17 (29) ноября 1856 г. Ibidem, 1856. Paris, VIII. – Письмо Морни Валуевскому от

17 декабря 1856 г. Морму. 179–180.

171. Доклад Горчакова Александру II от 26 ноября (8 декабря) 1856 г. Арх. МИД, 1856. Доклады. – Письмо Морни Наполеону III от 9 декабря 1856 г. Морму, 69.

172. Доклад Горчакова Александру II от «четверга» (очевидно, 29 ноября – 11 декабря 1856 г.). Арх. МИД, 1856, Доклады. – Записка Морни Горчакову от «пятницы» (очевидно, 30 ноября – 12 декабря 1856 г.) Ibidem, 1856, France.

173. Письмо Морни Наполеону III от 9 декабря 1856 г. Морму, 169–178.

174. См. депешу Валуевского Морни от 23 декабря 1856 г. Арх. МИД, 1856. France.

175. Доклад Горчакова Александру II от 16 (28) ноября 1856 г. Арх. МИД, 1856. Доклады. – Письмо Горчакова Киселеву от 23 ноября (5 декабря) 1856 г. Ibidem, 1856, Paris, VIII. Депеша Бруннова Горчакову от 17 (29) декабря 1856 г. Ibidem, 1856, Paris, V.

176. См. депеши Киселева от 22 ноября и 12 декабря (4 и 24 декабря) 1856 г. и депеши Бруннова от 5, 12, 17, 19 и 25 декабря (17, 24, 29 и 31 декабря 1856 г. и 6 января 1857 г.) Ibidem, 1856. Paris, V. – Депеши Валуевского Морни от 24 декабря и Морни Валуевскому от 26 и 27 декабря 1856 г. Ibidem, 1855–1857. Restitutions.

177. Письмо Горчакова Бруннову от 11 (23) ноября 1856 г. Ibidem, 1856. Paris, VIII.

178. Письмо Бруннова Горчакову от 4 (16) ноября 1856 г. Ibidem, 1856, Paris, V.

179. См. письмо Бруннова Горчакову от 4 (16) ноября и депешу Киселева Горчакову от 7(19) декабря 1856 г. Ibidem, 1856. Paris, V.

Указатель имен

А

Александр I 21, 45, 49
Александр II 3, 11, 22, 24, 25, 29
– 31, 37, 39 – 42, 45 – 47, 49, 53,
54, 66, 68, 70, 72, 75 – 80, 82, 83
Александра Федоровна 53
Али паша 16, 65
Альберт, герцог Саксен-Кобург-
Готский 18
Андреева Т.В. 11, 12
Ashley W. 76, 80

Б

Базили К.М. 58, 81
Бейст Ф. 26
Бенедетти В. 66, 83
Бенкендорф 79
Беринг 51, 53
Бехтерев В.М. 6, 7
Бирюкович В.В. 8
Бисмарк О. 75
Бонапарты 38
Бржевский Н. 78
Бруннов Ф.И. 11, 31, 32, 40, 41,
45, 46, 50, 51, 55, 56, 61, 62, 70, 73
– 84
Буоль-Шауенштейн К. 34, 41, 42
Бурбоны 8, 60, 61
Буркене 76
Бутенев А.П. 58, 65, 66, 79, 81
Бутенко В.А. 3 – 14
Vamberg 75 – 77, 81

В

Валевский А. 16, 19, 26, 29, 32 –
34, 36 – 42, 56, 57, 60 – 62, 64, 65,
68, 70 – 73, 78 – 84
Виктория, королева 18, 27, 76, 77,

82, 83

Вильямс 75
Виттельсбахи 59
Вертер К. 52, 80
Волков О.В. 12
Вудгауз (Д.Кимберли) 55, 56, 80

Г

Гегель 42
Гизо Ф. 20
Гогенцоллерны 24
Гоппе 51, 53
Гортензия де Богарне 25
Горчаков А.М. 3, 11, 23, 25 – 27,
46 – 49, 53, 55, 56, 58, 60 – 63, 65
– 68, 70 – 76, 79 – 84
Готье Ю.В. 5
Гревс И.М. 10
Гренвиль 75
Гурдон (Gourdon) 30, 76, 77, 79
Гюбнер (Hubner) А. 18, 40, 68, 75
– 78, 82, 83
Geffcken 75 – 78
Goriainow S. 3, 75
Gorce P. 78

Д

Данило I, кн. 62
Дебидур А. 8, 75
Дизраэли 68
Друэн де Люис Э. 18, 19
Дунаевский В.А. 9
Delord T. 78

Е

Евгения, императрица 42, 75, 82,
83
Егорова С.Л. 3

Ж

Жомини (Jomini) А. 32, 75 – 77

З

Заболоцкий-Десятовский А.П. 76, 79

Зеебах Л.П. 25, 26, 29, 31

И

Игнатъев П.Н. 6

К

Кавур К. 44

Карафе 82

Кареев Н.И. 3 – 8, 10

Киселев П.Д. 45, 68, 70, 72 – 76, 78 – 81, 83 – 84

Кислинский Н.А. 80

Китаев Ф.Я. 12

Кларендон Д. 18, 19, 27, 28, 32, 34, 36, 38, 39, 41, 42, 50, 57, 75 – 77, 80, 82

Константин Николаевич, вел. кн. 53

Коулей (Каули Г.) 56, 64, 65, 68, 80, 82

Кузен В. 42, 43

Л

Лессепс Ф. 16, 57, 75

Лонг 51

Луцицкий И.В. 5

Любомиров П.Г. 7

Людовик Бонапарт 25

Людовик Филипп 20

Lane-Poole 75

М

Мантейфель О. 52, 77, 80

Маркс К. 75

Мартенс Ф. 32, 76, 77

Меншиков А.С. 15, 36

Морни Ш. 25 – 27, 29, 32, 33, 40, 42, 44 – 46, 51– 53, 56, 62 – 68, 71–73, 75, 76, 78 – 84

Мюраты 61, 62

Martin 75 – 77

Maxwell 75, 76, 82

Н

Наполеон I 8, 19, 42, 43

Наполеон III 3, 11, 14, 17 – 25, 27 – 34, 36 – 48, 51, 55 – 58, 61– 67, 69, 70 – 79, 82 – 84

Нессельроде К.В. 11, 22 – 26, 31, 32, 73, 75 – 78

Николай I 15, 21, 22, 25, 31, 37, 46, 47, 49, 53

О

Олар А. 5

Оппенгейм 51, 52, 69

Орлов А.Ф. 11, 23, 31– 42, 48, 50, 58, 74 – 79

Оттон I 59, 60

Ollivier E. 75, 78

П

Пакстон 51

Пальмерстон Г. 15, 19, 20, 27, 28, 32, 50, 54, 56, 57, 59, 61, 65, 68, 71, 75, 76, 80

Парвье 43

Парсамов В.А. 12

Пасифико 59

Перейры 26, 51, 53, 68, 70

Персиани И.Э. 60, 81

Персиньи Ж. 64, 68, 70, 75, 76, 82

Петров А.Н. 3, 32, 77

Петров Е.Н. 8

Платонов С.Ф. 11, 12

Покровский М.Н. 75, 78

Покреш-Остен А. 58, 81

Пфортен Л. 26

Р

Радищев А.Н. 7

Реджин 82

Решид паша 66

Ротон (Rothan) 30, 76

Ротшильды 51, 52, 69, 70

Рыков П.С. 10

Rain P. 3

Roux Ch. (Шарль-Ру) 3, 30, 75 –
80, 82, 83

С

Сигрист С.В. 13

Сина 26

Сонин Н.Я. 3

Сеньобос Ш. 5

Соломонов В.А. 11, 12

Стратфорд де Редклифф 15, 16,
50, 57, 65

Stern A. 75, 76, 81, 82

Т

Талейран Ш. 25

Тарле Е.В. 5, 8, 12

Татищев С.С. 32, 76, 77

Токвиль А. 4, 5

Толстой И.М. 79

Тувенель Э. 16, 57, 65, 66, 81–83

Туган-Барановский М.И. 5

Тьер Л. 20

У

Успенский П.Н. 8

Ф

Фердинанд II 60, 61

Флао (Флаго) Ш. 25

Фридрих Вильгельм IV 11, 24, 30,
46, 49, 75, 77, 79

Фуад паша 16, 65

Фульд А. 69

Х

Хрептович 79, 80

Ц

Цамутали А.Н. 11, 12

Ч

Чарторыйский А. 45

Чернов С.Н. 7, 11, 12

Ш

Шеллинг 42

Шляпкин И.А. 8

Штакельберг 79

Штиглиц А.Л. 40, 51, 53

Щ

Щеголев П.Е. 13

Э

Энгельс Ф. 75

Эрнест II, герцог Саксен-Кобург-
Готский 18

Эскелес 26, 76

Ю

Южаков С. 4

Юшков С.В. 7

Оглавление

Историк В.А.Бутенко и его неосуществленный замысел	3
Россия и Франция в 1856 году	14
Примечания	75
Указатель имен	85

Научное издание

Бутенко Вадим Аполлонович

Очерки по истории франко-русских отношений во вторую половину XIX в.
Россия и Франция в 1856 г.

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105

Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36

Подписано в печать 31.07.2015. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 5,56. Тираж 100 экз. Заказ 438.

Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»